ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 95-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

*30 декабря 1922 г. образован Союз Советских Социалистических республик. В этом году исполняется 95 лет этому событию.**

Конечно, понимаем, что мы живем уже в другой стране, но историческую Родину никто не отменял. Поэтому в Тульском областном художественном музее всегда существовало, есть и будет пространство СССР, в том числе и благодаря серии выставок, о которых идет речь ниже. Это пространство существует и в журнале «Приокские зори». Мы помним события, связанные с Великой Отечественной войной. В этом году исполняется 100 лет Великой Октябрьской Социалистической революции. Можно по-разному относиться и к современным реалиям, все зависит от взгляда, от точки зрения, позиции, которые дадут возможность со временем оценить случившиеся события в истории Земли.

Искусство, живопись, архитектура, как и литература — являются результатом творения рук человека. Тульский областной художественный музей представил в 2017 году свой выставочный проект «К 95-летию образования СССР», который задуман как серия художественных выставок из запасников музея, подготовленных и реализованных творческим коллективом. Выставки представляют искусство республик, входящих в СССР, которые позиционируют себя сейчас как самостоятельные государства.

---

* Союз Советских Социалистических республик, Советский Союз, СССР — государство, существовавшее в 1922—1991 гг. на большей части территории бывшей Российской империи. Площадь — 22,4 млн км^2, население 286,7 млн человек (1989 г.). Столица Москва. Согласно подписанному 30.12.1922 года Договору об образовании СССР в его состав вошли РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР (включала Грузию, Армению и Азербайджан, которые с 1936 г. входили в состав СССР как самостоятельные союзные республики). В дальнейшем в составе СССР образованы Узбекская ССР, Туркменская ССР (обе в 1924—25 гг.), Таджикская ССР (1929 г.), Казахская ССР, Киргизская ССР (обе в 1936 г.). В 1940 г. в состав СССР были включены Молдавская ССР, Латвийская ССР, Литовская ССР и Эстонская ССР. В 1940—56 гг существовала в качестве союзной Карело-Финская ССР (в дальнейшем Карельская АССР в составе РСФСР). В 1944-м Тувинская Народная республика вошла в состав РСФСР. По условиям Беловежских соглашений от 8.12.1991 г. СССР прекратил существование, все входящие в его состав союзные республики стали суверенными государствами (Новая Российская Энциклопедия, т. XV (2-й) М., Энциклопедия, с. 159).

ХУДОЖНИКИ ЗАКАВКАЗЬЯ

Первая выставка из этого цикла, прошедшая с 30.03 по 14.05. этого года и посвященная искусству Закавказья (Грузии, Армении и Азербайджана), отличается своей колоритностью и красотой. В работах художников живет яркая природа, его люди, обычаи и нравы, история и сегодняшний день, вековые традиции и современность.

На выставке представлены работы художников Закавказья 1970—1980-х гг. Художники много и интересно — на языке изобразительного искусства — размышляют о традициях, об истории, о понимании красоты в современном мире. Они иначе, чем художники предыдущего десятилетия, понимают образно-выразительные средства и возможности искусства: колорита, композиции, линейного и ритмического строя. Им близок язык символов, их живописная форма отличается яркой зрелищностью, насыщенным цветом.

Аракел Седрикович Аракелян (1927—1991), Заслуженный художник Армении. В творчестве А. Аракеляна преобладают лирические пейзажи. Природа в его картинах согрета теплом, тонкой, трепетно раскрытой навстречу жизни души художника.

Разной и неповторимой была седая вершина Арарата в работах художника — своим освещением, очертаниями, цветовой гаммой, своей мощью. Одна из любимых тем — тема аистов в гнезде. Аист символизирует приход весны и новой жизни.

Аракелян А. С. (1927—1991). Весна. Из цикла «Моя Армения». 1982

Рзакулиев Э. М.-Г. оглы (1926—2007). Апшеронцы (водители). 1982

Эльбек Мирза-Гасаноглы Рзакулиев (1926—2007), Народный художник Азербайджана. Полотно «Апшеронцы (водители)» посвящено людям, работающим на соляных разработках Апшеронского полуострова.

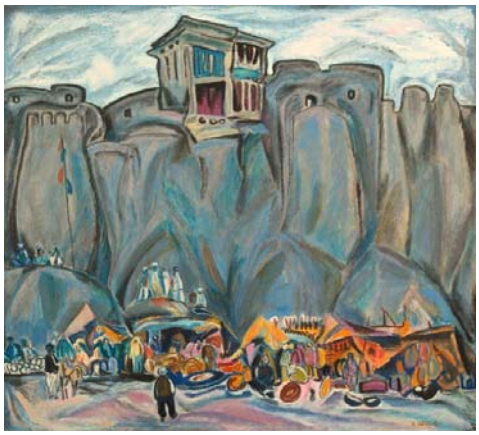
Радиш Терентьевич Тордия (р. 1936). Грузинский художник в своей композиции объединяет человека с природой с очаровательной непосредственностью художественного восприятия. Нежная, прозрачная, воздушная живопись, золотисто-розовые тона с вкраплениями красного, желтого, синего, голубого — это песня, воспевающая красоту грузинской женщины.

Мгер Манукович Абегян (1909—1994), Народный художник Армянской ССР. Иджеван — город в Армении у подножья Иджеванского хребта. Это горы с мягкими очертаниями, сплошь покрытые лесами. По этой долине проходил один из древних торговых путей Армении и Закавказья. Часть города расположена на склонах этих гор. В переводе с армянского Иджеван — «постоялый двор».

Известное влияние на творчество художника оказала живопись Мартироса Сарь-

яна. Это проявилось в декоративности и интенсивности цвета, в мажорно-оптимистическом настроении пейзажей. Абегян создал свой образ армянской природы. Самое значительное место в творчестве Абегяна занимает пейзаж. Его любовь и восхищение родной землей передаются зрителю.

Абегян М. М. (1909—1994). В Иджеване. 1971



Н. Г. Абдурахманов (1925—2008). Газни. 1975. Из серии «Ирак-Афганистан»

Надир Гамбароглу Абдурахманов (1925—2008), Народный художник Азербайджанской ССР, лауреат государственных премий.

Пейзаж «Газни» 1975 года входит в серию «Ирак-Афганистан», созданную по впечатлениям от поездки в эти страны. Энергичный колорит и ритмическое построение пространства картины создают эмоциональную и эстетическую выразительность живописного полотна.

Григорий (Гиви) Вахтангович Тоидзе (р. 1932), Заслуженный художник Грузинской ССР.

Гиви Тоидзе принадлежит к поколению грузинских художников, которые активно проявили себя на арене изобразительного искусства в 60-ые годы XX века. Он начал познавать изобразительное искусство в мастерской своего дедушки, видного грузинского художника Моисея Тоидзе.

В творчестве Гиви Тоидзе соединены пейзажи разных уголков Грузии, Тбилиси и других городов мира. Кроме того, им созданы натюрморты, портреты, жанровые картины и многофигурные композиции.

Пейзаж «Осень в лесу»* поражает красотой живописной палитры. Осень в горах Грузии необычайно красива и живописна. Густая пастозная живопись построена на сочетании красных, вишневых, малиновых, желтых, оранжевых, коричневых, зеленых и ярких синих тонов. Вдали, в горах, церковь, а внизу, под раскидистыми деревьями, семья кабанов, которые всегда появляются ранней осенью. Природа дышит романтикой, поэзией и тишиной.

На выставке представлена также картина **Гагнидзе Отари Павловича** (1928—2011). Сервиз для восточных блюд.

О. П. Гагнидзе можно назвать одним из самых заметных мастеров художественного фаянса II половины XX столетия. Уже с молодости его творчество оказалось связано с конаковским фаянсом. Национальные мотивы его творчества органично

* См. 3-ю страницу обложки № 4, 2017 «Приокских зорь». Здесь и далее: материал для 2-й и 3-й страниц обложки сверстала ведущий специалист Е. И. Оленич.

вливаются в художественные образцы традиционного фаянса. Его произведения демонстрирует удачный союз взаимопроникновения национальных культур, которые обогащают и дополняют друг друга. В своих работах он своеобразно выразил богатство грузинской культуры, интонации грузинской керамики благодатно прижились на заводе и никогда не выглядели инородными. Главная любовь художника-майолика. Художник всю жизнь и с удовольствием работал с майоликовыми потечными глазурями, добиваясь необыкновенных декоративных эффектов.

Черезова Людмила Германовна

«ИСКУССТВО ЭСТОНИИ. XX ВЕК»

Продолжила цикл выставка, посвященная искусству Эстонии (19.05.—09.07.). Основную часть экспозиции составили произведения графики, выполненные в различных техниках. В 30-е годы XX века в Эстонии сложилась самобытная школа, сформировался присущий только этой стране графический стиль, который раскрывается в творчестве крупнейших художников-графиков, чьи работы зритель увидит на выставке. Эвальд Окас, Виве Толли, Алекс Кютт, Хэнно Аррак, Кальё Пыллу, Херальд Ээльма, Пээтер Улас, Велло Винна в темах и мотивах выразили любовь к своей стране и ее людям, к старинному Таллинну, к родным пейзажам, к обычаям и мифологии эстонского народа.

В линогравюре «Башни древнего Таллинна» талантливый эстонский график **Херальд Ээльмаза** запечатлел величественный облик знаменитого средневекового памятника, передал особую атмосферу этого города. Произведение принадлежит раннему творчеству автора, в дальнейшем оно развивается из области субъективных переживаний художника, изобилует сложными, метафорическими образами.

Трудно представить эстонское изобразительное искусство без произведений **Эвальда Окаса** — живописца, графика, педагога, Народного художника СССР, Народного художника ЭССР, Героя Социалистического Труда, Почетного академика Флорентийской Академии изящных искусств. Окончив Высшее художественное училище в Таллине в 1941 году, он много лет преподавал в Художественном институте Эстонской ССР. Графическое наследие художника многообразно. Он работает сериями, вдохновляясь впечатлениями своих путешествий. Тонкими наблюдениями пронизана серия «Париж» (1962), из которой на выставке представлен лист «Уличный художник». Фрагментарная композиция, сложный ракурс, выразительная пластика силуэта передают динамику уличного события. Офорт «Девушки» (1968) навеян образами эстонских крестьянок, возделывающих и пекущих хлеб, поэзией их труда.

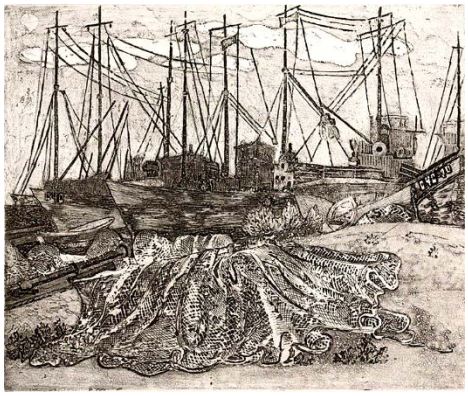
Офорты **Виве Толли**, Народного художника Эстонии, созданные на бытовые, фольклорные темы, иллюстрации к произведениям эстонских писателей, отличаются лиризмом, тонкостью эмоциональных состояний. В представленных на выставке работах «Кнутов день. Зима» (1975), «Мартов день» (1977), «Котерман — хранитель моряков» (1982) чувствуется их сказочная, мифологическая основа.

Традиции празднования Дня святого Кнута пришли в Эстонию из стран Сканди-

навии. Отмечают его 13 января и связывают с окончанием Рождества. Самый веселый обычай существует в Швеции, где сооружают из соломы чучело человека в натуральную величину, незаметно прислоняют к двери соседа и устраивают на улице шум. Когда ничего не подозревающий сосед отворяет дверь, чучело падает в его объятья. Шутника нужно найти и наказать, либо подкинуть чучело другому соседу. Оставшийся к концу ночи с чучелом будет неудачником весь год.

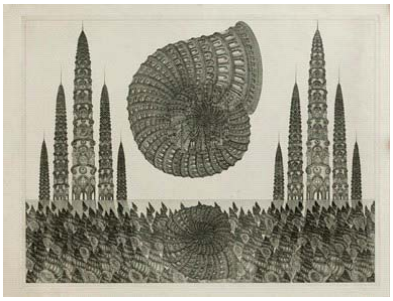
10 ноября в Эстонии празднуют Мартов день. Март — покровитель хлеборобов. Мартов день считался в народе началом зимы и в старину к этой дате уже завершались все полевые работы. В Мартов день резали скот, готовили кровяную колбасу, варили пиво, пекли ячменные лепешки. В этот день жители хуторов устраивали игры и рядились. Ряженые надевали наизнанку вывернутые шубы, бороду из пакли и маски и ходили по домам, прося подаяние. За угощение они пели благодарственные и славильные песни.

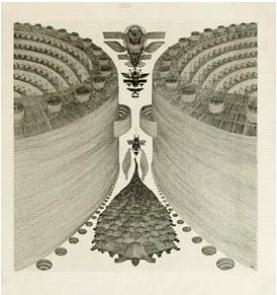
Виве Толли одна из ведущих мастеров в технике офорта в Эстонии. В ее работах обращает на себя внимание сложная, изысканная разработка поверхности листа с обилием персонажей, где эмоциональная выразительность создается разнообразными тональными, фактурными и ритмическими эффектами. Ее работы очень национальны и внешним обликом героев, и всем строем мыслей и ассоциаций.



Алекс Кютт, заслуженный деятель искусств ЭССР, учился в Таллиннском государственном институте прикладного искусства, затем там долго преподавал. Кютт — великолепный график, работавший в технике офорта. На выставке — его работы «Рыбацкая сеть» (1960-е) и «Эстонский пейзаж» (1960), в которых автор рассказывает о жизни и труде эстонских рыбаков.

Невозможно не остановиться и не полюбоваться триптихом видного эстонского графика **Кальё Пыллу**, выполненном в технике меццо-тинто. Условные, обобщенные формы в пейзажах и в композиции «Сон», крупные тональные пятна, яркий контраст черного и белого великолепно передают суровое своеобразие природы и людей родного для художника края.



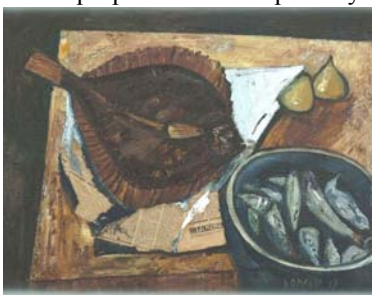


Одно из центральных мест в экспозиции выставки занимают работы самобытного графика **Велло Винна**, выпускника Таллиннского художественного института. Его офорты «Песочные часы», «Ракеты» и «Шлемы» начала 1970-х годов выполнены в стиле сюрреализма. Великолепное владение техникой офорта, сложнейшие композиции, тонкие решения задуманных тем заставляют зрителей подолгу размышлять око-

ло графических листов Велло Винна. Работы мастера хранятся в музеях Эстонии, России и многих европейских коллекциях.

Хэнно Аррак в своем листе «Пейзаж с птичьим крылом» (1973), выполненном в излюбленной мастером технике офорта, на сложной вязи пейзажного фона рисует чудесный образ молодой женщины с ярко выраженными национальными чертами.

Живопись Эстонии на выставке представлена двумя старейшими художниками. Автор «Портрета Эллен Нейт» (1960) — **Лейла Мууги**. Образ эстонской поэтессы отмечен сосредоточенностью, погруженностью в размышления. Сдержанный, холодный колорит портрета строится на тонко разработанной серо-голубой тональности.



Выразительный, эмоциональный натюрморт «Камбала» (1967) написан **Валдуром Охакасом**. Произведение относится к тому периоду его творчества, когда манера художника становится экспрессивной, живописный язык — смело-упрощенным в форме и цвете.

Дополняет экспозицию выставки скульптурная работа «Сборщица картофеля» (1961) Народного художника Эстонии Эллионор Пийпуу. Мастер работала преимущественно в технике шамота в сочетании с глазурью. Ее произведения отличаются пластичностью форм, сохраняющих обаяние рукодельной вещи, и сдержанностью цвета.

Зоя Николаевна Скопинцева, Елена Ивановна Оленич

ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ

В экспозицию выставки, работавшей с 27 июня по 13 августа 2017 года, были включены произведения живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, выполненные художниками Туркмении, Узбекистана, Киргизии, а также республики Казахстан. Многие из представленных авторов считаются классиками национального изобразительного искусства, их творчество известно далеко за пределами их родной земли: это — Народные художники Туркмении Чары Амангельдыев, Дурды Байрамов и Кульназар Бекмурадов, Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Давлят Умарбеков, Заслуженный художник Киргизской ССР Джамбул Джумабаев, казахи Кенжебай Дуйсенбаев, Анаур Игенбаев, Зульхайнар Кожамкулов.

Родившись в 1930—40-х годах, они получили образование в Российских художественных ВУЗах в 1960-е годы, освоив профессиональные основы художественного творчества и обогатившись знаниями об общеевропейских культурных традициях. Вернувшись в родные края, мастера в своем творчестве, языком изобразительного искусства, талантливо, каждый по-своему, рассказали о своих народах, выразили их

национальную самобытность, показали богатый мир природы Средней Азии, передали атмосферу загадочного Востока.

Почти все произведения, включенные в экспозицию, выполнены в 1970—1980-х годах — в то время, когда к их авторам пришел первый успех и известность. Так Чары Амангельдыев, Дурды Байрамов и Кульназар Бекмурадов были в числе «Великолепной семерки» — художников, которые представляли профессиональную живопись Туркмении на знаменитой выставке в Москве в 1971 году, и буквально ошеломили публику своим талантом и своеобразием живописных образов.

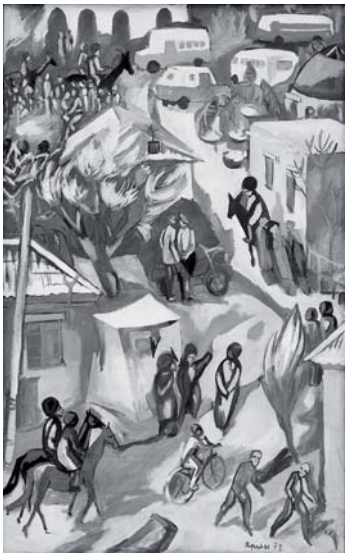
Чары Амангельдыева (род.1934) считают одной из монументальных фигур в туркменской живописи. На выставке его творчество представлено полотном «Качели» (1976). Смелая композиция, где на фоне ночного неба, высоко над землей взмыли качели с четырьмя молодыми женщинами. Их движения напоминают танцевальные, характерная для художника пастозная манера сообщает фигурам пластическую выразительность, а поверхности холста фактурное богатство. Темный мерцающий колорит придает полотну таинственность, атмосферу вдохновенного полета к звездам. К слову, тема космоса всегда интересовала художника, склонного к романтическому восприятию жизни.

Крупнейшим художником Туркмении был **Дурды Байрамов** (1938—2014). Главным жанром в его творчестве стал психологический портрет, соединивший в себе лучшие традиции национальной школы, наследие классического реализма и новаторство импрессионистов. В картине «Таджигуль» (1980) Дурды Байрамов передал образ женщины Востока. Молодая женщина изображена в тени солнечного сада, одета в яркие национальные одежды.

Она красива, задумчива и вместе с тем строга, словно внутри нее жесткий стержень. Женщина — основа туркменского общества, на ней держится все: и жизнь, и земля, и традиции.

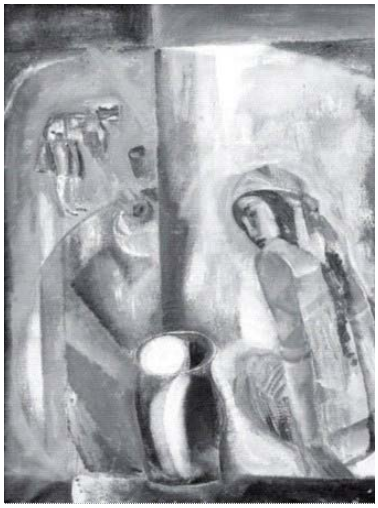
Колоритный облик жителей далеких мест, своеобразие среднеазиатской природы, реалии социалистического периода в жизни республик — все это запечатлела кисть художников.

Д. Байрамов «Таджигуль», 1980



Я. Байрамов «Праздник урожая», 1972

Автор картины «Праздник урожая» (1972) **Ярлы Байрамов** (1942—2013) в вертикальной ковровой композиции кажется вместил целый мир своей страны — яркое солнце, дающее резкие тени, самобытный облик жителей и их жилищ, характерные занятия. Выразительный строй произведения заставляет вспомнить о французском фовизме с его условностью и колористической смелостью.



Д. Умарбеков «За водой», 1975

Мастерство крупного узбекского художника **Джавлята Умарбекова** (род. 1946) раскрывается в картине «За водой» (1975). Преломляя традиции европейского модернизма, он создает нежный образ девушки с кувшином воды, полный поэзии, лирики и тихой гармонии. Важную роль в этом играет колорит, с тонко разработанной гаммой неярких пастельных тонов.

В формировании национальных художественных школ в 1920—1940-е годы важную роль сыграли русские художники: Павел Беньков — в Узбекистане, Семен Чуйков и Александр Игнатьев — в Казахстане, Илья Мазель и Александр Владычук — в Туркменистане.

Александр Илларионович Игнатьев (1906—1999) еще в 1930 г. был направлен в далекую азиатскую Киргизию поднимать искусство молодой республики. И за долгие годы творческой деятельности он создал множество образов, посвященных жизни киргизского народа. Природа Средней Азии, красота гор Тянь-Шаня показана в полотне «Осень на джданлоо» (1971). Выбранный автором мотив захватывает дух, в нем ощущается величие, бескрайний простор и вольное дыхание природы. Художник часто писал лошадей. «В их изображении я вижу символ киргизского пейзажа»,— объяснял мастер, постигший национальное своеобразие далекой страны. А белый конь у народа — символ счастья.

Безмолвием и вечностью веет от картины **Кульназара Бекмурадова** «Вечер на Копетдаге» (1981). Изображение части уникальной горной цепи сдержанно во внешних проявлениях, но в нем чувствуется внутренняя напряженность, особый внутренний накал, характерный для живописи К. Бекмурадова. Этому ощущению способствует и колорит картины — при общей коричневатой и сизо-серой гамме в нее почти всегда врываются яркие цвета, в данном случае — зеленый.

А. Игнатьев. «Осень на джданлоо» (1971)

К. Бекмурадов. «Вечер на Копетдаге», (1981)

Жизнь простого народа нашла отражение в картинах «На стройке» (1976) киргизского художника **Джамбула Джумабаева** и «Соседи» (1980) казаха **Анаура Игембаева**. Особым смыслом наполнена картина **Кенжебая Дуйсенбаева** «Тандыр» (1986). Древняя печь, тысячелетия кормившая азиатские народы, корова и женщина-хозяйка, изображенные столь лаконично, приобрели значение знаков, архетипических символов жизни.

Дополнить образ экзотического Востока помогает цветная глиняная скульптура «Сидящая девушка», выполненная русской художницей Валерией Григорьевной Ленской (род. 1916), открывшей для себя этот яркий своеобразный мир. Светлый взгляд мастера на мир, наблюдательность и любовь к людям позволили ей создать выразительный, запоминающийся образ.

В изделиях из керамики нашли преломление народные гончарные традиции, колористические и орнаментальные особенности, характерные для декоративно-прикладного искусства народов Средней Азии.

Елена Ивановна Оленич

ИСКУССТВО ЛИТВЫ И ЛАТВИИ

Выставка «Искусство Литвы и Латвии. Живопись» является четвертой в цикле, посвященном дате образования СССР. В ее экспозицию включены произведения из фондов Тульского областного художественного музея.

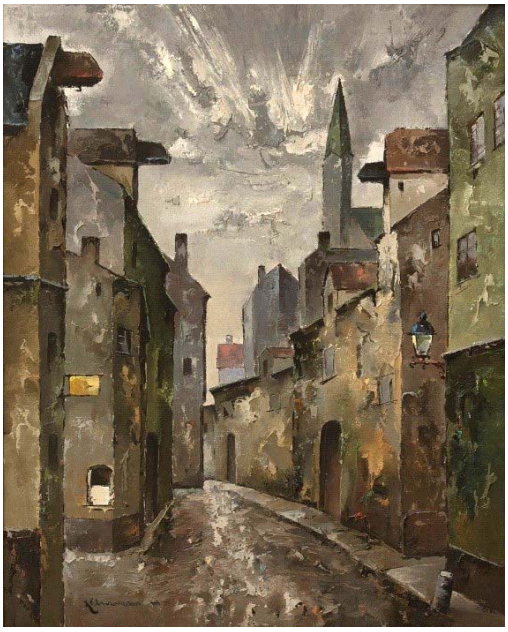
Живопись Литвы представлена полотнами известных во всем мире художников. Народный художник Литовской ССР, Лауреат государственной премии Литвы **Августинас Юргевич Савицкас** (1919—2012) — автор картины «Увядшие цветы» (1979). Условность изобразительного языка, колорит, построенный на сочетании напряженных красно-зеленых, синих и серых тонов, придают натюрморту аскетизм и суровость. Вместе с тем для композиции характерна декоративно-ритмическая целостность.

Внимание зрителей привлечет декоративная, яркая по живописи работа Заслуженного деятеля искусств Литовской ССР, Лауреата государственной премии Литвы **Инаса Казио Шважаса** (1925—1976) «Вечер»* (1965), в которой на фоне реки и сине-зеленой травы большого луга изображены три лошади в насыщенных вишневых и синих тонах. Животные, луг, деревья, белые домики с красными крышами, поля освещены лучами заходящего солнца, которые бросают красноватые отблески на изображенные предметы и животных.

Необычна и трагична по содержанию композиция «Прошлое» (1990), выполненная художником **Валентинасом Прановичем Антанавичюсом** (род. 1936) с использованием техники коллажа, где на живописном темно-зеленом фоне, написанном пастозными мазками, закреплены металлические элементы, вызывающие ассоциации с деталями разбившегося самолета. Между ними, как бы на земле, изображены в темно-красных тонах тела погибших людей.

Живопись Латвии представлена произведениями старейших латвийских художников. Привлекает внимание работа **Бируты Фрицевны Баумане** (1922—2017) «Вентспилская рыбачья пристань» (1972), выполненная как бы в графическом стиле, в котором преобладает четкий рисунок. Колорит картины изобилует различ-

* См. на 3-й странице обложки № 4, 2017 «Приокских зорь».



ными оттенками охристо-коричневого, изумрудно-зеленого цветов, яркими нотами звучат алые, желтые, синие детали. На первом плане на водной глади Рижского залива изображены большие рыбацкие лодки с вертикалями мачт, на берегу — домики с живописными разноцветными крышами. Работы Баумане Б. Ф. хранятся во многих государственных музеях и частных коллекциях.

Можно долго любоваться полным поэзии произведением **Валдиса Карловича Калнрозе** (1894—1993) «Старая Рига» (1965). В сложной живописной манере, при помощи излюбленного автором мастихина, изображена влажная узкая уличка средневекового города, по которой глубокая перспектива ведет взгляд зрителя. Над невысокими старинными зданиями нависло серое небо. Сложно разработанная переливчатая гамма пепельных, серебристых, серо-коричневых, оливковых тонов с яркими вкраплениями сообщает колориту изысканность, а образу привлекательность.

На многих выставках в Латвии и России, в европейских странах экспонировались произведения **Индулиса Августовича Зариня** (1929—1997), Народного художника СССР, Лауреата государственной премии Латвии. В экспозиции выставки представлена его картина «Портрет художника Карлиса-Падегса» (1988). Легендарный латвийский художник, известный под прозвищем Рижский денди, изображен в эффектном черно-белом наряде с широкополой шляпой на голове стоящим на балконе сложной формы. В его руке — кисть, рядом — бокал красного вина. На площади, внизу под балконом, вереницы гуляющих людей, конные экипажи, вдали шпили средневековых соборов. В своей картине Индулис Заринь осознанно соединил жанр портрета, бытовые сцены и пейзаж, что нередко он делал во многих своих произведениях.

Джемма Отовна Скулме (род. 1925) происходит из известной династии латышских художников. О ее творческой манере дает представление масштабное полотно «Далекое-близкое (посвящается братьям Кокарсам и Хору «Аве Сол») (1982). Картина является частью триптиха, посвященного знаменитым латвийским музыкантам Иманту и Гидо Кокарсам, хоровым дирижерам, основателям Рижского камерного хора «AveSol» («Слава солнцу»). Мастер-монументалист Д. Скулме мыслит крупными обобщенными формами, изображая фигуру сидящей женщины в национальном костюме на фоне декоративно решенного пейзажа. Сложная, местами рельефная фактура холста повышает его декоративность, преобладание в колорите красного цвета во множестве оттенков придает образу торжественность, величественность и вместе с тем тревожность.

Все художники Латвии и Литвы, представленные на выставке, были постоянными участниками выставок в Риге, Вильнюсе, Москве, Туле и других городах СССР в 1970—1990-е годах. Замечательно, что целый ряд произведений этих великолепных прибалтийских живописцев находится в собрании нашего музея. Их можно изучать, ими можно любоваться на выставке, которая продлится до 3 сентября.

Зоя Николаевна Скопинцева,
Елена Ивановна Оленич

ТУЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ И ГОРОДА ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ
К 500-летию Тульского кремля

В одном из залов Тульского областного художественного музея открылась выставка, посвященная большому юбилею — 500-летию Тульского кремля. Экспозиция выставки составлена из живописных произведений тульских художников: Б. И. Вагина, В. П. Голубова, А. И. Пенькова, Ю. В. Пузырева, Э. В. Шурлаповой, И. М. Путятина, В. В. Шатрова. В своих полотнах художники обращаются к историческим событиям, которые происходили на Тульской земле, на Куликовом Поле, к древней архитектуре родного города — ансамблю Кремля, великолепным храмам, старинным улицам, к дорогим нашему сердцу Яснополянским пейзажам, к красоте тульских лесов, к старым городам Белеву, Епифани, Богородицку. Эти темы всегда были интересны тульским художникам и в течении многих лет они воплощали их в своих произведениях, большая часть которых влилась в коллекцию нашего музея.

Одно из центральных мест в экспозиции выставки занимает картина **Вагина Бориса Ивановича** (1920—2002) «Праздник в Туле»* (1973). Центр города, площадь перед Кремлем, яркий весенний солнечный день. Праздник. Группы гуляющих и танцующих людей. Нежная зелень, теплый солнечный свет, розовые стены и башни Кремля, яркое голубое небо с белыми пушистыми облаками — все создает праздничное настроение. Второе произведение Вагина Б. И. «Осенние дожди. Тульский Кремль» (1991) привлекает внимание великолепной жи-

* См. 2-ю страницу обложки № 4, 2017 «Приокских зорь».

вописью, умением художника почувствовать и передать мощь и красоту Тульского Кремля, великолепие его соборов, вырисовывающихся на фоне пасмурного осеннего неба, ощущение влажного воздуха, когда моросит мелкий холодный дождь.

Голубов Владимир Павлович (Род.1952) много лет в своих картинах изображает самую старую часть родного города, расположенную вокруг Всесвятского собора. Его произведение «Тульская улица» (1991), написанное зимним днем, притягивает нас своей тишиной, уютом, приземистыми деревянными домиками, могучими, раскидистыми деревьями, а вдали, на фоне серо-голубого неба, четким силуэтом вырисовывается соборная колокольня. Художник выбрал для этого произведения серебристо-серый, нежно-коричневый колорит, соответствующий мотиву картины.

Пеньков Алексей Иванович (1905—1995), заслуженный художник РСФСР, много путешествовал и писал свои картины в Ясной Поляне, на Оке в Белеве. Он не мыслил своего существования без природы, а именно без Тульского края, без плавного течения Оки, ее притоков — Упы и Воронки, просторов полей, лесов Щегловской засеки. Картины «Ясная Поляна» (1967), «Ока у Белева» (1954) имеют для нас особую притягательную силу, так как не только живописец воссоздает тонкие, едва уловимые оттенки настроения природы ее переходные состояния, но и воспевает красоту родной Тульской земли.

Пузырев Юрий Викторович (1922—1980) своим любимым местом называл Ефремовский край, его поля, леса, обширные заливные луга по берегам Красивой Мечи. Им он посвящает свою картину «Красивая Меча» (1968), в которой мы видим широкую красивую реку с ее плавными поворотами, еле видимое ее течение, берега, поросшие кустарником и мягкой травой, а вдали темно-голубое небо над обширными полями.

С Тульским краем связано творчество Эммы Васильевны Шурлаповой (род. 1937) и **Ивана Михайловича Путятина** (род. 1934). Многие их произведения посвящены

старинным городам нашей тульской земли. На выставке одно из центральных мест занимает их полотно, результат большой многолетней работы «На поле Куликовом»* (1980). Сложная, многофигурная композиция, с ритмичным расположением русских и татарских войск, детальная проработка форм и светлый, жизнерадостный колорит великолепно передают ощущение победы русского воинства над татарами.

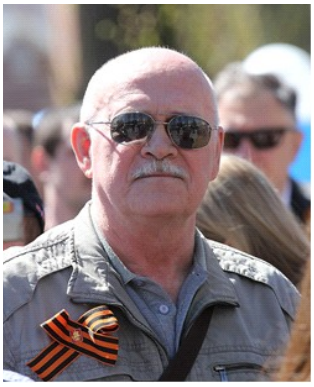
Куликову Полю с его великолепным храмом и памятником, расположенными среди чудесной русской природы, местом, где произошла огромная битва, посвящены картины **Шатрова Валерия Владимировича** (1948—2001) «Куликово поле» (1977), «Куликово поле. Сумерки» (1997), «Ковыль цветет» (1997).

Зоя Николаевна Скопинцева

Составитель Марина Баланюк

* См. 2-ю страницу обложки № 4, 2017 «Приокских зорь».

Олег Каширин и Виктор Федюшкин
(г. Тула)



Родился в г. Туле, в семье военнослужащего. После окончания в 1970 г. историко-филологического факультета Тульского государственного педагогического института (ныне университет) им. Л. Н. Толстого служил в рядах Советской Армии, с 1971 г. по 1998 г.— в органах КГБ СССР — ФСБ РФ. Полковник в отставке. Ветеран Воинской службы России. С 1998 г. состоит в Союзе писателей России. В настоящее время председатель ревизионной комиссии правления Тульского отделения СП. Автор ряда книг, повестей, киносценария и многочисленных рассказов, опубликованных в восьми самостоятельных книгах, журналах, сборниках, литературных альманахах и периодической печати. Повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности.

(Олег Каширин)

Родился в с. Красная Дубрава Чернского р-на Тульской области. После окончания средней школы поступил на физико-математический факультет в Тульский государственный педагогический институт (ныне университет) им. Л. Н. Толстого, по окончанию которого служил в рядах Советской Армии. С 1976 года работал в школе учителем математики. С 1982 года проходил службу на офицерских должностях в органах КГБ СССР — ФСБ РФ. Участник боевых действий в Чеченской республике. В 2001 году уволен в запас по выслуге лет. Подполковник в отставке. С 1997 г. член Союза журналистов России. Автор поэтических сборников «Свет дружеской улыбки», «Еще надеемся на счастье».

(Виктор Федюшкин)

ИЗ АРХИВА ФСБ. К 100-ЛЕТИЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АРЕСТ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА
Как это было на самом деле

О судьбе Русской освободительной армии (РОА) написано немало и статей, и книг. Но странно: никогда и нигде мы не читали, как арестовали командующего РОА, предателя номер один генерала Андрея Власова. Известно только, что он «понес справедливое возмездие», то есть был в конечном итоге расстрелян.

Даже в мемуарах Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» сказано лишь, что Андрея Власова захватил специальный отряд под командованием капитана

М. И. Якушева (правильно: Якушов). И в публикациях на эту тему вопрос оставался открытым. В них история захвата Власова называлась «полутаинственной и до сих пор не разгаданной».

Мы представляем документы из архива Тульского Управления ФСБ, позволяющие рассказать, как все это было.

«Секретно»

СПРАВКА

Командующий 1 Украинским фронтом Маршал Советского Союза КОНЕВ и члены Военного совета фронта КРАЙНЮКОВ и ПЕТРОВ

№ 13857/ш от 15.05.45 г. донесли Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза тов. Сталину следующие обстоятельства захвата изменника Родины Власова.

12.5. с/г. командир мотострелкового б-на 162 т. бр. 25 т. к. капитан Якушов Михаил Иванович получил приказ командира бригады полковника Мищенко задержать часть власовской дивизии генерала Буняченко, которые по данным разведки находились в районе Катовицы, в 40 км. Ю-в г. Пильзен и стремились выйти в расположение американских войск.

Выполняя это задание, капитан Якушов привлек на свою сторону командира власовского б-на Кучинского Петра Николаевича. Кучинский указал, где находится штаб Буняченко и предупредил, что там Власов.

Вместе с Кучинским капитан Якушов обогнал штаб Буняченко, поставил поперек дороги машину, задержал движение этого штаба и быстро отыскал машину, в которой был Власов, накрытый одеялом.

Власов сопротивлялся и пытался из машины уйти, но с помощью его же шофера Комзолова Ильи Никитовича был водворен в машину. На ней Власова вывезли из общей колонны.

Основным и непосредственным исполнителем захвата Власова был командир батальона 162 т. бр. 25 т. к. капитан Якушов.

По представлению командира 162 т. бр. и командира 25 т. к. содействовали оперуполномоченный отдела «Смерш» 162 т. бр. ст. лейтенант Игнашкин Илья Петрович и начальник отдела «Смерш» 162 т. бр. майор Виноградов Пахом Тимофеевич.

Вся работа по ликвидации и пленению власовцев проводилась под личным руководством командира 162 т. бр. полковника Мищенко. Общее руководство по ликвидации власовцев в расположении 25 т. бр. осуществлял командир 25 т. к. генерал-майор Фоминых.

Из власовцев пленению Власова особо активно содействовал капитан Кучинский и помогал шофер Кучинского — Довгас Александр, шофер машины Власова Комзолов. Комзолов и Довгас находятся в 25 т. к., а Кучинский вместе с колонной сдавшихся власовцев из расположения 25 т. к. убыл и место его нахождения уточняется.

Тов. Конев просит наградить:

1. Якушова Михаила Ивановича.
2. Ст. лейтенанта Игнашкина Илью Петровича.
3. Майора Виноградова Пахома Тимофеевича
4. Полковника Мищенко Ивана Петровича.
5. Генерал-майора танковых войск Фоминых Е. И.

Утехин 17.5.45 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

О награждении власовцев, участвовавших в захвате,— Кучинского, его шофера А. Довгаса, и водителя автомобиля Власова И. Комзолова — Конев просить не стал,

предложив ограничиться для них прощением за совершенные преступления перед Родиной. Но Москва решила по-другому.

# # #

**«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ ГЕНЕРАЛОВ, ОФИЦЕРОВ
И РЯДОВОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ**

За успешное выполнение особого задания командования фронта наградить:
ОРДЕНОМ СУВОРОВА 11 СТЕПЕНИ
1. Майора Виноградова Пахома Тимофеевича.
2. Старшего лейтенанта Игнашкина Илью Петровича.
3. Полковника Мищенко Ивана Петровича.
4. Генерал-майора танковых войск Фоминых Евгения Ивановича
5. Капитана Якушова Михаила Ивановича.
ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1 СТЕПЕНИ
1. Капитана Кучинского Петра Николаевича.
ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ11 СТЕПЕНИ
1. Довгас Александра Степановича.
2. Комзолова Илью Никитовича.

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН
Москва, Кремль. 19 июня 1945 года.**

# # #

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
25 декабря 1945 г. Лагерь Алкино БАССР**

Я, старший следователь отдела контрразведки «Смерш» 12 запасной стрелковой дивизии капитан Мирошниченко, допросил в качестве свидетеля

Кучинский Петр Николаевич, 1904 г. рождения, уроженец д. Долгое Старобинского района, Минской обл., русский, гражданин СССР, бывший кандидат в члены ВКП(б), по соцпроисхождению из крестьян-батраков, образование среднее, в 1932 году судим по ст. 180 а УКБССР, Военным Трибуналом 4 стр. корпуса к 2 годам лишения свободы, освобожден досрочно. Находится на службе в 40 зсп. 12 12 зап. Стр. дивизии,— лагерь Алкино БАССР.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР предупрежден.

Вопрос: Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вами был задержан изменник Родины, бывший генерал Красной Армии Власов?

Ответ: Бывший генерал Красной Армии, изменник Родины Власов Андрей Андреевич при моем непосредственном участии был задержан при следующих обстоятельствах. Я продолжительное время служил в так называемой «Русской освободительной армии», сформированной Власовым при помощи германского военного командования из числа бывших военнослужащих Красной Армии находившихся в плену у немцев и изменивших Родине. Эта РОА, командующим которой немцами был назначен изменник Советской Армии Власов, предназначалась и вела совместно с

германскими войсками вооруженную борьбу против Красной Армии. Я, в составе РОА, находился на службе в первой (600) ее русской дивизии в должности командира батальона 3 стрелкового полка, звание имел капитана.

Незадолго до капитуляции Германии, командовавший РОА бывший генерал Власов, созвав весь командный состав первой (600) русской дивизии, где присутствовал и я, всем нам объявил, что он на сторону частей Красной Армии переходить не собирается и со своим штабом ведет переговоры с командованием американской армии о переводе на сторону последней всех частей РОА. 10 мая 1945 года первая (600) русская дивизия перешла на сторону американской армии, сосредоточилась в Розенталь (в Чехии) и разоружилась, а 11мая 1945 года, когда поступил приказ от Власова углубиться на территорию, занятую американскими войсками, стала выходить на марш.

В результате нераспорядительности и не планомерного отхода, на шоссе, где мы сосредотачивались, создалась пробка и части первой (600) русской дивизии никуда по назначению (по приказу) продвинуться не смогли и простояли на месте, на шоссе, до утра 12 мая 1945 года. К этому времени к месту сосредоточения дивизии прибыли представители от советских частей и стали предлагать нам — командирам РОА, переводить свои части и подразделения Красной Армии. Я, повстречавшись тогда с командиром батальона автоматчиков 162 т. бр. (представителем от советских частей) капитаном Якушевым и переговорив с ним об этом, отдал приказ своему батальону следовать на сторону Красной Армии, а сам с Якушевым занялся переводом на сторону советских войск других подразделений своего полка первой (600) русской дивизии РОА.

Это нами было сделано и части дивизии РОА стали в большинстве своем двигаться в сторону Красной Армии и мы с капитаном Якушевым приехали в расположение штаба 162 т. бр. доложить о проделанной работе. В то время, повстречавший меня случайно там, майор контрразведки Виноградов, поскольку я был одет в одежду немецкого офицера, обратил на меня внимание и после ознакомления, узнав кто я есть такой, дал мне задание — разыскать, задержать и доставить ему командира первой (600) русской дивизии РОА. Одновременно, он же майор Виноградов, попросил меня постараться узнать местопребывание командующего РОА Власова. Я, согласившись с этим, совместно опять же с капитаном Якушевым, на автомашине выполнять задание майора Виноградова выехал на территорию, занятую американскими войсками.

На одной из развилок дороги нас задержали американские солдаты-танкисты, находившиеся там с машиной (танком) и дальше в глубь территории своих войск не пустили. Пока мы с ними на ломанном немецком языке объяснялись, в это время мимо нас, вглубь, на сторону американских войск проследовала американская танкетка, а вслед за нею легковые автомашины, в числе которых мною была опознана автомашина командира первой (600) дивизии РОА.

Увидев это, я сел управлять своей автомашиной и, вопреки [протестам] американских солдат-танкистов, не пускавших нас вглубь территории своих войск, вместе с капитаном Якушевым поехал догонять американскую танкетку. Догнав ей и выскочив на перед, я свою автомашину развернул и поставил поперек дороги, в результате чего движение было преграждено, танкетка и следовавшие за нею автомашины остановлены.

Просмотром эти автомашины, мы с Якушевым обнаружили в них все командование первой (600) дивизии РОА и в одной из автомашин закрытого (замаскированного) одеялами и плащ-палатками командующего РОА Власова, в одной машине с которым находился и его первый адъютант капитан Антонов.

В начале мы всех указанных лиц из автомашин повысадили, а потом, закончив

просмотр всех машин, посадили их обратно и, развернувшись, стали следовать в составе всех семи автомашин на сторону войск Красной Армии. Якушев ехал в голове колонны на одной автомашине вместе с Власовым и его адъютантом, а я ехал замыкающим на своей автомашине вслед за автомашиной командира первой (600) дивизии.

# # #

КОПИЯ

«Председателю Совета Министров и Министру Вооруженных сил СССР —

товарищу Сталину И.В.

капитана Кучинского Петра Николаевича, находящегося в 7-м отделении Подольского проверочно-фильтрационного лагеря № 174, Москва, Стромынка дом № 10

ПРОШЕНИЕ.

...Я Кучинский П. Н. в Красной Армии был на должностях: командира взвода, пом.командира роты, адъютанта старшего батальона, помощником начальника штаба полка, начальником 4 отделения штаба дивизии и командиром отдельного батальона. С начала Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.) был назначен командиром 53 отд. Батальона обслуживания станции снабжения юго-зап. Фронта с местом дислокации в г. Киеве...

Далее Кучинский рассказывал о участии в обороне Киева, скитаниях в окружении, пленении, причинах вступления в РОА и службе в ее рядах во Франции, Бельгии, Голландии, в г.Мюнзингене (Германия), где... был назначен адъютантом командира батальона и в этой должности пробыл до моего перехода в сторону Красной Армии. За время нахождения РОА на фронтах, как против Красной Армии, так и против союзных войск, не участвовал.

После проведенной операции по переводу войск РОА 1-й дивизии на сторону Красной Армии и после задержания Власова — я оставался до 14 мая-45 г. в расположении 162 т. бр.

14 мая-45 г., утром, мне была выдана справка командиром 162 т. бр. полковником т. Тищенко Иваном Петровичем в том, что при моем непосредственном участии войска 1-й дивизии РОА переведены в сторону Красной Армии и что при моем непосредственном участии задержан генерал-лейтенант Власов А. А. С этой справкой 14 мая я отправился в расположение частей РОА, перешедших на сторону Красной Армии, и по дороге был задержан контрразведкой 2-го Украинского фронта и доставлен в опергруппу контрразведки «Смерш» Украинского фронта.

25 мая-45 г. был вызван из тюрьмы в кабинет начальника контрразведки 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта т. Королева, которому в четырехчасовой беседе доложил свою автобиографию, службу в Красной Армии, нахождении в плену, службу в РОА и о подробностях перевода частей РОА на сторону Красной Армии, и о задержании Власова А. А. По окончании беседы, распоряжением генерал-лейтенанта т.Королева, был переодет в форму Красной Армии и помещен на частной квартире. 2 июня-45 г. вторично был вызван в кабинет начальника контрразведки 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта т. Королева, который сообщил мне, что по распоряжению Москвы меня судить не будут и за проведенную операцию по задержанию Власова А. А. и за перевод частей 1-й дивизии РОА на сторону Красной Армии — наградят правительственным орденом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19-го июня-45 г. я в числе гене-

ралов и офицеров Красной Армии за успешное проведение особого задания командования (за проведенную операцию по задержанию Власова А. А. и за перевод частей 1-й дивизии РОА на сторону Красной Армии) награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. (Указ опубликован в газете «Правда» за 20 июня-45 г.).

27 декабря-45 г. в 4-00 ночи я был вызван в отдел контрразведки 12 зап. стр. дивизии и вместе с оперативным работником «Смерш» 12 зап. стр. дивизии ст. лейтенантом т. Романовым был направлен в Москву вместе с моим следственным материалом.

На основании изложенного прошу:

1. Ваших указаний об ускорении разбора моего дела и объявлении мне результатов решения.

2. Считаю себя виновным в том, что боясь голодной смерти в плену, нарушил присягу, а по-большевистски храбро не умер в плену, до конца не перенес всех невзгод и лишений голодного плена, что не осуществил мечты перехода на сторону Красной Армии ранее.

Разобрать прошу мой вопрос по всем правилам существующих законоположений, дать мне возможность свободным, честным, добросовестным и продолжительным путем со всеми моими умениями и способностями — искупить свою вину перед Родиной. Буду работать там, где буду полезен и где мне будет указано. Мой следственный материал находится в Главном Управлении контрразведки «Смерш» у генерал-полковника т.Абакумова.

12 Апрель 1946 г. Капитан Кучинский»

(Сохранена орфография и стилистика подлинников)

СОКРАЩЕНИЯ:

б-н — батальон

т. бр. — танковая бригада

т. к. — танковый корпус

зсп. — запасной стрелковый полк

зсд. — запасная стрелковая дивизия

На долгие годы подробности операции по захвату Власова были запечатаны грифом «секретно». Предать гласности тот факт, что Власова обнаружили и задержали власовцы, государство не могло.

Случилось так, что Указ увидел в газете сын Кучинского. Четыре года семья считала его погибшим, жена Кучинского вышла замуж еще раз...

В Москве Кучинскому жить не разрешили и отправили фактически в мягкую ссылку в Тульскую область. Там он жил и работал до конца своих дней.

В многочисленных архивных материалах есть рассказы об охоте органов безопасности на Власова. Судя по этим документам, Кучинский после захвата Власова использовался в качестве опознавателя для выявления командного состава 600-й дивизии, официальных сотрудников и агентуры разведывательных и контрразведывательных служб. Не исключено, что на каком-то этапе этой работы он попал под подозрение и был направлен на фильтрацию в общем порядке. Пожизненная «мягкая» ссылка в Тулу, скорее всего, была обусловлена его осведомленностью в деятельности СМЕРШа.

По данным Службы государственных наград Президента Российской Федерации — ни Кучинский, ни Довгас, ни Комзолов наград никогда не лишались.

Я ВИНОВАТ В ЕГО СМЕРТИ...
При царе он сидел три раза, при большевиках — четыре

Этот тульский крестьянин три раза сидел в тюрьме при царской власти и четыре — при советской.

«Такие люди, как вы,— восторженно писал ему Горький,— нужны русскому народу как воздух и свет».

Сегодня, однако, имя этого человека народу ничего не говорит. Отчасти, видимо потому, что 15 из отпущенных ему 67 лет крестьянин села Боровково Лаптевского района (ныне Ясногорский район) Тульской губернии Михаил Новиков провел в тюрьмах и ссылках.

До революции за него вступался Л. Толстой, после революции — М. Горький. «Уж такое мое счастье — быть гонимым от всякого строя»,— пишет он не без иронии французскому издателю Толстого Шарлю Соломону в 1926 году после выхода из Бутырки.

Новиков Михаил Петрович, 1870 г. р.,— самобытный крестьянский писатель, близкий друг Л. Н. Толстого. С великим писателем Новиков впервые познакомился в 1895 году в Москве. Он тогда служил писарем в Московском окружном штабе. С тех пор и до самых последних дней жизни Л. Толстого их дружба не прерывалась. Л. Н. Толстой принимал деятельное участие в судьбе Михаила Петровича. Страстный искатель истины и правды, находившийся под впечатлением книг Толстого, М. Новиков постоянно вступал в конфликты с властями. Однако, несмотря на все трудности, Михаил Петрович до конца своих дней оставался верен идеям правды, доброты и справедливости.

Именно к нему, в его крестьянскую избу в село Боровково предлагал приехать Л. Н. Толстой, обдумывая свой уход из Ясной Поляны. О чем он написал в письме, прося приюта и ночлега. Трагедия была в том, что это письмо задержалось в пути. М. Новиков на него ответил, с восторгом предложив скромное пристанище своему великому учителю. Но было поздно. Не дождавшись ответа, Лев Николаевич покинул Ясную Поляну.

Уже при Советской власти, публикуя свои воспоминания о встречах с Толстым, Михаил Петрович однажды напишет: «Я виноват в его смерти...»

История не признает сослагательного наклонения. Тем не менее — неизвестно, как бы сложилась жизнь великого писателя, состоявшись его переезд в село Боровково.

А тогда:

Циркуляр калужского губернатора-церемонимейстера князя Горчакова:

«По имеющимся у нас сведениям, граф Лев Николаевич Толстой со знакомым своим доктором скрылся из имения Ясная Поляна Тульской губернии. Предписываю на случай появления графа Толстого или вообще странника, возраст и приметы которого подходили бы к личности графа Толстого, не применять к нему предусмотренных законом мер как против беспаспортного».

Скандала все-таки боялись, но слежка шла.

Телеграмма из Козельска:

«Доношу граф Толстой прибыл ночным поездом Оптино доктором ночевал утром выбыл извозчике Шамордин монастырь сестре обещал вернуться Оптино. За исправника Чуфаровский».

Рапорт губернатору из Перемышля:

«Граф Толстой отправился к проживающей в монастыре своей сестре монахине Марии Николаевне, у которой и провел остаток вечера. На другой день, в семь часов утра, один отправился пешком в прилегающую к монастырю деревню Шамордино и

пытался там нанять квартиру у крестьян, в чем ему было отказано. Администрация монастыря была крайне недовольна пребыванием графа Толстого и решила в случае его намерения остаться отказать ему в сдаче на продолжительное время помещения. По сведениям, добытым мною в монастыре, граф Толстой уехал из Ясной Поляны вследствие семейных неприятностей, возникших по поводу составленного им духовного завещания и, по-видимому, возвращение его в данное время в Ясную Поляну для лиц, его окружающих, является нежелательным. Отъезд его из монастыря был столь внезапен, что сестра его монахиня не успела прийти в гостиницу проститься с ним. В Козельске он отправился к поезду, отходящему на Белев, но, по-видимому, с тем, чтобы на одной из промежуточных станций тайно свернуть на Москву. Исправник Кормилицын».

Вот так... Бездомного, больного 82-летнего старика, только что потерявшего все на свете — жену, детей, крышу над головой, кусок хлеба и даже права на свои книги — гоняют по России, как бродячего пса. За что? За то, что имел свое, выстраданное мнение о существующей власти, войне и мире, судьях и церковниках, земле и свободе. И вот монахи стали полицейскими осведомителями, крестьян кто-то настраивал против их же защитника. Сопровождают в его скитаниях только доктор Маковецкий да бесчисленная стая шпиков...

Рапорт из Козельска:

«Доношу Вашему Сиятельству, что граф Лев Николаевич Толстой, отправившись из пределов вверенного мне уезда по Рязанско-Уральской ж. д., в пути следования заболел и остановился на станции Астапово... За исправника Чуфаровский».

Из Петербурга — калужскому губернатору:

«Если в случае смерти графа Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и предоставьте всецело разрешение этого вопроса местной церковной власти. За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите учредить неослабленно наблюдение. За министра внутренних дел — генерал-лейтенант Курлов».

Сразу после кончины Толстого сотрудники службы наружного наблюдения — филеры доложили руководству о случившимся и затем сопровождали тело до Ясной Поляны.

Циркуляр полицмейстеру и уездным исправникам Калужской губернии:

«Принять меры к тому, чтобы публикации о служении панихид допускались не иначе, как с разрешения полиции по получении письменного извещения подлежащего духовного лица. Вице губернатор Оленин».

1911 год. Телеграмма министра внутренних дел Столыпина:

«Ввиду происходящих в Петербурге беспорядков в высших учебных заведениях, могущих повториться в других городах, благоволите принять к неукоснительному исполнению нижеследующие указания: предупредите учебные начальства, что всякие сходки не должны быть разрешены; предупредите, что если такие сходки состоятся, то для прекращения их в учебные заведения будет введена полиция; не допускается выход из учебных заведений толпой, а отдельно выходящим группам не разрешайте останавливаться и собираться; всякая уличная демонстрация должна быть немедленно подавлена. Предупредите редакторов газет, что помещение статей, поощряющих или одобряющих уличные демонстрации, недопустимо. В случае неисполнения налагайте административные взыскания в высшей мере. Не разрешайте до прекращения всяких беспорядков никаких собраний, на которых по составу лиц или направлению общества можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений».

Это даже год спустя, в 1911-м году, тень Толстого была страшна властям. Охранка в немалой степени приложила руку к травле Толстого на протяжении десятилетий.

Л. Н. Толстой был не только величайшим писателем, но и величайшим русским диссидентом XX века. Как сейчас выяснилось, за ним велась неусыпная слежка и полицией, и охранкой, имевшей множество агентов, в том числе глубоко законспирированных, в ближайшем окружении писателя.

Не цель этого очерка рассматривать философские и монетаристские воззрения М. П. Новикова, его изобличения самодержавной власти и критика послереволюционной, которая, к разочарованию, обернулась по его мнению диктатурой ленивых и завистливых. За это он пятнадцать лет отсидел в тюрьмах и побывал в ссылках. Любопытно, однако, что за 70 лет до Егора Гайдара крестьянин Лаптевского уезда Михаил Новиков давал те же самые «монетаристские рецепты». Но об этом отдельный разговор. Как и о его необычайной биографии.

В отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве — крупнейшего хранилища рукописей и документов писателя и лиц из его окружения, хранится 8 писем Л. Н. Толстого к М. П. Новикову, а также письма Новикова к Толстому, переданные в музей самим Михаилом Петровичем в 30-е годы. В 1987 году дочь Новикова передала рукописи своего отца. Однако многие документы, в том числе часть его дневника, который Новиков вел на протяжении всей своей жизни, считались окончательно утерянными. Это и неудивительно. Каждый арест крестьянина Новикова сопровождался конфискацией обнаруживаемых во время обысков рукописей писем, отдельных заметок.

В свое время в торжественной обстановке сотрудники Управления ФСБ по Тульской области передали в музей 36 документов, касающиеся деятельности М. П. Новикова, представляющих историческую и литературную ценность. Документы, а среди них и часть дневника М. П. Новикова, считавшаяся утерянной, были обнаружены в ходе работы с архивом ФСБ. Среди переданных документов находилось письмо к Новикову из Парижа от книгоиздателя Шарля Соломона. Ценность этого письма в том, что написано оно рукой дочери Л. Н. Толстого — Татьяной Львовной под диктовку француза. Этот факт для сотрудников музея стал настоящим открытием. Важно, что документы теперь хранятся в надлежащем им месте.

Многое прояснилось и в биографии самого Новикова. До последнего времени его дочь, да и работники музея считали, что он погиб в 1939 году. Однако, только сейчас, изучая материалы уголовных дел, установлено, что определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 8 марта 1969 года Новиков Михаил Петрович, арестованный 9 августа 1937 года вместе со своим братом Иваном Петровичем, был расстрелян 28 августа 1937 года по постановлению тройки УНКВД по Московской области. Поэтому же определению он был полностью реабилитирован. К сожалению, сейчас уже никак нельзя установить точное захоронение Новикова. Дело в том, что после ареста в с.Боровкое он и его брат были этапированы в Серпуховскую тюрьму, где их и ждала страшная участь.

После ареста Новикова у него остались жена, два сына и две дочери. Не получив никаких известий о судьбе родного им человека, они пытались найти правду в различных инстанциях. Жена и средняя дочь Михаила Петровича умерли, не дождавшись в свое время ответа на многочисленные запросы о судьбе старого человека. Его сын, инженер, погиб на фронте в боях за Родину. Не узнала правды о последних днях жизни отца и младшая дочь, ставшая профессором, доктором филологических наук. Она умерла в Москве в 1992 году.

Увы! Трагическая судьба Новикова по-своему закономерна, но от этого не перестает вызывать сочувствия.

Были на Тульской земле великие русские писатели, но были и есть талантливые их последователи и ученики!

Виктор Буланичев
(г. Бийск)

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ СПИРИДОН ДРОЖЖИН

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная —
Там родина моя...

С. Дрожжин. «Родина»

Во время путешествий по Волге мне посчастливилось побывать во многих старинных русских селах и деревнях, больших и малых, красивых и не очень. У всех у них своя многовековая история — частица нашей, общей, российской. Некоторые поселения так потрепала жизнь, что они до сих пор не восстановились и представляют печальное зрелище, но большинство имеют вполне достойный облик. На улицах стоят крепкие красивые дома. На центральной площади села обязательно возвышается белокаменная церковь. Старинные здания достойно гармонируют с современной архитектурой. Палисадники ухожены, в каждом дворе плодоносящий сад, крепкие хозяйственные постройки. Видно, уважают жители себя и любят свое село. Удивительная чистота, порядок и умиротворение во всем. Особенно красивы волжские селения вечером, когда при закате солнца остывает день и все погружается в полумрак. Появившиеся на небе звезды освещают ровным светом волшебную гладь Волги. Хорошо в это время сидеть на берегу реки, у костерка, в хорошей компании. Пить душистый, заваренный на травах чай, неспешно беседовать, вспоминать историю, даты, имена людей, прославивших эти места. Вспомнили мы и русского поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина, уроженца этих мест, читали стихи и восхищались его природным талантом.

Не всем русским поселениям везло в истории. Многие канули в лету во время войн, некоторые из-за вымирания населения или административных преобразований. Есть в России небольшая река Шоша — правый приток Волги, в устье которой находится знаменитый комплекс отдыха руководителей нашего государства «Завидово». Комплекс расположен на месте старинного русского села Шоша, где Юрием Долгоруким была построена крепость Городок, запиравшая вход в Шошу — путь к Волоколамску. Позже, но еще до нашествия Батыя, здесь возникли два монастыря: Богородский и Воскресенский. Потом Воскресенский монастырь был преобразован в приходской храм, давший второе имя селу — Воскресенское. В 1937 году при строительстве Иваньковской плотины монастырские постройки и село Шоша были затоплены.

На другом берегу Шоши, напротив бывшего села, располагалась деревня Низовка, через которую когда-то пролегал тракт Москва-Петербург. В деревне Низовка родился крестьянский поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин, здесь же он прожил большую часть своей жизни и умер.

Родился он в 6 (18) декабря 1848 года в семье крепостных крестьян. В школе учился неполные две зимы, потом одиннадцатилетнего сына мать отправила на заработки в Санк-Петербург. Следующие годы жизни Дрожжина прошли в скитаниях по России. Он сменил множество профессий. С 1860 по 1871 жил в Петербурге, упорно занимался самообразованием. Здесь он познакомился с произведениями Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Л. Н. Толстого и других известных русских писателей. В шестнадцать лет написал первое свое стихотворение. В 1867 году начал дневник, который вел до конца своей жизни.

Первая публикация Дрожжина появилась в журнале «Грамотей» в 1873 году. С

этого времени Дрожжина стали печатать во многих изданиях: «Дело», «Слово», «Семейные вечера», «Русское богатство» и других. Его стихи печатали и на родине в журнале «Тверской вестник» и альманахе «Зарницы».

Из-за бедственного материального положения и под влиянием встреч с Львом Николаевичем Толстым, в 1896 году возвращается на родину. Здесь он полностью посвящает себя литературному труду. В 1903 году участники «Кружка писателей из народа» организовали вечер, посвященный 30-летию поэтической деятельности С. Д. Дрожжина. Одним из организаторов вечера был Иван Алексеевич Бунин. В своем приветственном слове он назвал Дрожжина «самым даровитым поэтом-самоучкой».

В этом же году Академия наук назначила Дрожжину пожизненную пенсию, а в 1910 году присудила премию за сборники «Заветные песни», «Новые русские песни», «Баян». В 1915 году получает почетный отзыв имени А. С. Пушкина за сборник «Песни старого пахаря».

К концу XIX века С. Д. Дрожжин становится самым известным русским крестьянским поэтом. Летом 1900 года его посетил австрийский поэт Райнер Мария Рильке, переводивший его стихи на немецкий язык.

В первое десятилетие XX века одна за другой выходили книги поэта. В 1905 году Дрожжин был избран почетным членом «Общества любителей российской словесности», получил несколько литературных премий.

Октябрьский переворот Дрожжин встретил в Низовке, вскоре покинул ее, занявшись общественной работой. В 1919 году он был избран председателем съезда пролетарских писателей Тверской губернии, а в 1924 почетным членом «Всероссийского союза поэтов».

Умер поэт 24 декабря 1930 года и похоронен в селе Шоша. В 1937 году, после заполнения Иваньковского водохранилища, его прах и дом были перенесены в поселок Новозавидовский, где был открыт дом-музей.

Дрожжин — один самых плодовитых крестьянских поэтов, выпустивший более тридцати поэтических сборников. Для стихов раннего периода характерно воспевание красоты и грусти сельской жизни. Дрожжин-поэт испытывал разнообразные влияния, но его неповторимую поэтическую индивидуальность, его голос мы чувствуем и узнаем сразу.

Многие стихи дооктябрьского периода пользовались огромной популярностью в народе, стали песнями, записывались для граммофонов, проникли в фольклор. Известные в то время композиторы А. С. Чернявский, В. И. Ребиков, В. Р. Бакалейников, Ф. О. Лашек, В. А. Зиринг писали на его стихи песни, которые с успехов исполняли Ф. И. Шаляпин, Н. В. Плевицкая, А. Д. Вяльцева и другие исполнители.

В конце жизни в его стихах повторяются прежние мотивы, которые пересекаются с новым пафосом социалистического утверждения.

Творчество самобытного русского крестьянского поэта мало известно, и многие, кто соприкоснулся с ним, проявляют неподдельный интерес к его поэзии. К сожалению, в настоящее время довольно сложно найти произведения поэта и побольше узнать о его жизни и судьбе. Мало известно и о его личной жизни, но его творчество по-прежнему остается актуальным.

СТИХИ СПИРИДОНА ДРОЖЖИНА

РОДИНА

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,
Где Волга многоводная-
Там родина моя.
Покрытые соломою

Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые,
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят.
И, словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идешь, идешь — и края нет
Далекого пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

1871 г.

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Пришла пора весенняя,
Цветут цветы душистые,
Слетаются-сбираются
Все пташки голосистые.
Поют в полях, поют в лесах,
С куста на куст порхаючи:
Заслушалась красавица,
Про друга вспоминаючи.
Стоит, глядит задумчиво
Куда-то в даль незримую
И звонким колокольчиком
Заводит песнь любимую;
Далеко эта песенка
В родных полях разносится,
Звенит, душой согретая,
В другую душу просится.

Все в этой песне слышится:
Любовь, глубоко скрытая,
И счастие далекое,
И горе пережитое.
Под вечер добрый молодец,
Окончив пашню черную,
Пустил коня и к девице
Пошел дорогой торною.

Никто не знал, что сделали

С красавицей девицею
Певуньи-пташки вольные
С весною-чаровницею.
А ночка, ночь весенняя
Все тайны, что проведала,
Хранить и ясну месяцу,
И звездам заповедала!

1875 г.

РОДИНЕ

Как не гордиться мне тобой,
О, Родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою недвижим я,

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На темные леса.

Как хороша ты в теплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдает!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всем в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

1904 г.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

В деревне, чуть заря вечерняя займется,
Играет молодежь, сплетаясь в хоровод,
Звучит гармоника, и песня раздается
Такая грустная, что за сердце берет.
Но грусть сроднилася с крестьянскою душою,
Она всегда в груди измученной живет
И разгоняется лишь песнею родною.
Отпряжен от сохи, средь поля конь усталый
Пасется в табуне; вхожу я тихо в дом,
Чтоб за ночь отдохнуть — и чтоб на зорьке алой
Проснуться и опять с товарищем-конем
На поле целый день трудиться с силой новой,
Взрывая борозды, иль, срезав рожь серпом,
Душистые снопы возить на ток готовый.
А теплый вечер так порой душист и ясен,
Когда разносится народной песни стих,
О, как ее язык и звучен и прекрасен,
Как много слышится в ней мук пережитых.

1906 г.

САМОЕ ДОРОГОЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ,— ЭТО НАШИ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

9 сентября 2017 года в Ясной Поляне прошли XXII Международные писательские встречи, которые проходят ежегодно с 1996 года.

Открыла новый сезон и литературная премия «Ясная Поляна», соучредителями которой являются компания Samsung Electronics и Музей-усадьба Л. Н. Толстого. В 2017 году премии исполняется 15 лет, и в этом юбилейном сезоне премия меняет свою структуру.

О премии «Ясная Поляна», о ее изменениях, о литературе и о многом другом нашему журналу рассказал член жюри литературной премии «Ясная Поляна», постоянный участник Международных писательских встреч, писатель, публицист, исследователь истории русской литературы XX века, доктор филологических наук, профессор МГУ, ректор Литературного института Алексей Варламов

— Алексей Николаевич, Вы — член жюри литературной премии «Ясная Поляна». В прошлом году, при объявлении длинного списка номинантов на соискание премии, Вы говорили, что у жюри будет нестандартный выбор. Что Вы имели в виду, и был ли нестандартный выбор в году нынешнем?

— В прошлом году нестандартный выбор произошел по причине того, что в номинации «XXI век» премии «Ясная Поляна» было два претендента,— это Наринэ Абгарян со своим произведением «С неба упали три яблока» и Александра Григоренко с произведением «Потерял слепой дуду». Вот что я имел в виду, когда говорил о нестандартном выборе. В этом году премия меняет свою структуру. С этого года она будет присуждаться в трех номинациях: «Современная русская проза»; «Иностранная литература» и «Событие». На соискание премии было выдвинуто 120 произведений, но после тщательного изучения членами жюри в лонг-лист были включены только 30 произведений современных авторов. О том, кто станет лауреатом премии, говорить еще рано.

— В своем рассказе «Антилохер». История одной премии», Вы написали о том, что литературная премия — это всегда политика. Премия «Ясная Поляна» и «Патриаршая премия по литературе», лауреатом которой Вы стали в 2013 году,— это тоже политика?

— Конечно, политика. Понимаете, не нужно заострять внимание, или как-то отрицательно реагировать на слово «политика». Называя литературные премии политикой, я не имел в виду политику международную или политику какого-то миропорядка. Не нужно литературу рассматривать с точки зрения каких-то политических взглядов. В данном своем высказывании я имел в виду политику литературной жизни. Политика — это взгляды людей на какие-то события, в том числе и на события, происходящие в литературной жизни.

— Сегодня большие отечественные литературные премии присуждаются в основном одним и тем же авторам, а сами премии стали походить на переходящий вымпел для определенного круга лиц. Скажите, сегодняшние литературные премии присуждаются авторам за их раскрученные СМИ имена, или все же

за литературные произведения? Отражают ли сегодняшние литературные премии те положительные традиции, которыми всегда славилась отечественная литература?

— В ваших словах есть доля истины в том, что часто премии присуждаются одним и тем же авторам. Но это происходит не из-за раскручивания средствами массовой информации их имен, как вы ставите вопрос, а только по причине того, что произведения этих авторов нашли широкую поддержку в читательских кругах. Они, эти авторы,— читаемы. Понимаете, литература это не кино, и не театр. Чтобы написать литературное произведение, не нужны деньги, нужны только письменный стол, чистый лист бумаги и авторучка. Пиши хорошо и интересно, и найдешь читательский отклик, читательский интерес к твоему произведению, читательский спрос, уважение и читательскую любовь. И все,— ты уже знаменит. А если бездарен, то не поможет никакое СМИ. Вот возьмите, к примеру, такого автора, как Захар Прилепин. Его произведения интересны, а потому нашли читательский отклик, естественно, и члены жюри литературных премий не могли пропустить мимо себя этого автора. Или, например, кто знал два-три года назад такого автора, как Евгений Водолазкин? Никто. Он работал над собой, работал со словом и, естественно, к нему пришел литературный опыт. Или Гузель Яхина? Какие СМИ ее раскрутили? Никакие. Она добилась признания только своим трудом.

— Ну, Бог с ними, с премиями. Давайте сменим тему. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в литературу? Были ли у Вас литературные кумиры?

— Вот сейчас у микрофона была писательница, которая читала рассказ о девочке, читающей под одеялом с фонарем книги Льва Толстого. ***(Хорватская писательница Нада Гашич. Авт.)*** Я тоже в детстве читал книжки с фонарем под одеялом. Правда, я читал книги не Льва Толстого, я читал книги детские, но тем не менее. С возрастом я стал читать другие книги, не детские, затем решил попробовать написать сам. Вначале получалось плохо, затем стало получаться лучше, и пришла потребность этим заниматься. А были ли у меня кумиры?.. Понимаете, мне не совсем нравится слово кумир. На каждой стадии моего чтения, будь то детские книги, юношеские или взрослые, мне попадались авторы, которых было интересно читать, произведениями которых я зачитывался. А были ли они для меня кумирами?.. Да, наверное, были. Они же были для меня любимыми авторами, а значит, они были моими кумирами.

— Алексей Николаевич, Вы — автор замечательной художественной прозы и не менее замечательной прозы документально-исторической и биографической. Я имею в виду Ваши книги из серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). А какая проза Вам все-таки ближе?

— Конечно же, художественная. В документальной прозе существует тоска по вымыслу, у меня все это накапливалось, и я пришел к прозе художественной, но писать о замечательных людях — это занятие увлекательное, и я его не оставил.

— Сегодня на страницах некоторых книг можно встретить нецензурные выражения. Это происходит от вседозволенности? Из-за отсутствия культуры у автора, или сегодня на это существует читательский спрос? Хотелось бы узнать Вашу точку зрения, как доктора филологических наук?

— Я крайне негативно отношусь к нецензурным словам. К сожалению, нецензурщина сегодня встречается не только на страницах книг, она встречается и в кино, и в театре со сцены доносятся нецензурные выражения. Мат сегодня вошел в нашу повседневную жизнь. Многие люди сегодня матом уже не ругаются, а используют

его просто в разговорной речи, отчего он сегодня отчасти потерял свою агрессивность. То же самое происходит и в литературных произведениях некоторых авторов. Например, тот же Захар Прилепин в своем романе «Обитель» использует нецензурные слова...

— И в романе «Санькя» он тоже использовал мат.

— Да, и в романе «Санькя» он тоже использовал матерные слова. Об этом я и говорю, что сегодня мат вошел в нашу жизнь уже не как агрессивный элемент, а как слова общения, и матерное слово, вставленное в текст, иногда бывает и к месту. Я к этому отношусь нормально, хотя считаю, что такого быть не должно. Писатель должен уметь заменить матерное слово словом литературным, но заменить так, чтобы читатель понял, что именно автор хотел сказать.

— Лев Николаевич Толстой задавался вопросом: ангел человек или дьявол? И сам же давал на него ответ, заявляя, что человек — пестрый, и он всю жизнь борется с собой. На Ваш взгляд, что всем нам сегодня нужно предпринять, чтобы в нас хорошее побороло плохое? Сможет ли нам в этой борьбе помочь современная литература? Смогут ли современные писатели наше общество вылечить нравственно?

— Писатель не должен лечить общество. Такое мнение, что писатель сможет сделать общество лучше, нравственнее, мнение ошибочное. Тот же Лев Толстой говорил, что человек должен очистить себя. Именно себя, а не кого-то другого. С очищением себя самого естественно будет происходить очищение и самого человечества.

— Сегодня в реестре профессий, такой профессии как писатель или литератор не существует. Тем не менее, Ваш институт продолжает готовить литературных работников. Не кажется ли Вам, как ректору Литературного института имени А. М. Горького, такое положение вещей, мягко говоря, странным?

— Наш институт не готовит писателей. Многие наши выпускники не становятся ни писателями, ни литераторами, они работают в различных сферах деятельности. Литературный институт — это почва, в которой прорастает заложенное в нее зерно. Мы даем основу литературной деятельности, а кем станет наш выпускник — зависит только от него самого, от его желания и таланта.

— Вы ректор Литературного института и профессор МГУ. Кроме того, читали лекции о русской литературе в университетах Европы и США. Скажите, в чем Вы видите сходство, а в чем отличие между нашими студентами и студентами европейских стран и США? Влияет ли на различие разница в системе образования?

— Отличие в том, что все люди разные, в этом и отличаются друг от друга, студенты не исключение. А сходство в молодости, задоре и в стремлении получить знания. Я много ко всему отношусь критически, но только не к нашему образованию. Я бы не сказал, что система нашего образования сильно уступает системе западной, а в чем-то даже ее и превосходит.

— Ежегодно в Крыму проходит форум «Таврида», в котором принимают участие молодые писатели, поэты и критики. Начинающим литераторам лекции читали многие писатели, в том числе и Вы. Расскажите, пожалуйста, какое у Вас сложилось мнение о работе форума?

— Форум «Таврида» — это в первую очередь возможность молодым людям почувствовать страну, участники форума приезжают из разных регионов. Во вторую очередь — это дает возможность собраться всем вместе, увидеть друг друга, познакомиться. Например, парень из Калининграда может познакомиться с девушкой из Новосибирска. Это же ведь очень здорово! В «Тавриде» момент такого общения, объединения, соединения разных молодых людей является основополагающим. Встреча молодых людей, их общение друг с другом — это ведь самое важное, даже важнее, чем сама литература, литература там уходит на второе место, хотя она и объединила этих молодых людей. Немаловажный момент и тот, что «Таврида» дает возможность побывать молодым людям в Крыму, познакомиться с местными жителями, увидеть природу, почувствовать этот южный колорит.

— Таланты на форуме выявляются?

— Форум проходит в течение пяти-шести дней, и за этот период чему-то серьезно научиться невозможно. Можно пробудить какой-то интерес, можно предположить, что человек почувствует какой-то толчок, какой-то импульс, произойдет какая-то перемена характера, перемена судьбы. Может быть небольшая, но она произойдет, а в молодости это очень важно. Это как семечка, которую бросили в землю, и при благоприятных условиях из нее обязательно вырастет что-то хорошее, а форум в данном случае и является теми благоприятными условиями. Поэтому с этой точки зрения я к «Тавриде» отношусь очень положительно.

— Были ли на форуме среди молодых авторов студенты Вашего института? Готовы ли молодые литераторы, если потребуется, встать в литературный строй и заменить нынешних именитых писателей?

— Во-первых, мне не совсем понятно высказывание «литературный строй». Мне не хотелось, чтобы литераторы стояли в каком-либо строю, пусть они будут свободными художниками слова. Во-вторых, не надо никого менять. Пусть будут литераторы разных возрастов, и молодые, и опытные. Литература от этого только выиграет. А что касается студентов литературного института, то, да, они в «Тавриде» принимают самое активное участие и я этому очень рад.

— Наш журнал «Приокские зори» из-за прекращения финансирования, кстати, в Год литературы, перестал выходить в печатном варианте. Наше обращение во властные структуры города Тулы с просьбой оказать государственную поддержку единственному в Тульской области литературному журналу успехом не увенчалось. К сожалению, сегодня материальные трудности испытывает не только наш журнал, но и многие другие. А с какими трудностями приходится сталкиваться Вам, как главному редактору журнала «Литературная учеба»?

— У нас такие же трудности, как и у вас. Наш журнал «Литературная учеба» перестал выходить. Ваш журнал перестал выходить в бумажном виде, но продолжает выходить в электронном варианте, и это замечательно. Это прекрасно, что редколлегия журнала, ваши авторы и ваши читатели не распались, а продолжают сотрудничество друг с другом. У нас же журнал вначале перестал выходить в бумажном виде, а затем наши издатели вообще его прикрыли, и он больше не выходит. Но я перестал быть его главным редактором еще до этого, как произошли эти печальные изменения. Я приблизительно два года назад был вынужден оставить эту должность, поскольку стал ректором Литературного института, и соединять эти две должности мне стало очень тяжело. К сожалению, через полгода-год, когда я ушел, прекратился выпуск бумажной версии журнала «Литературная учеба», что я считаю фактом очень

печальным. Это был очень замечательный журнал, с хорошими традициями. Выходил он в течение многих лет, и вот теперь, к сожалению, больше не выходит.

— Журнал «Приокские зори» и Литературный институт уже не один год сотрудничают в творческом плане. Сегодня, повторюсь, журнал выходит только в электронном виде, тем не менее, журнальная рубрика «Тверской Бульвар, 25» в «Приокских зорях» ждет своих авторов — студентов и преподавателей института. Будем продолжать наше сотрудничество, и надеяться на лучшие времена. Что бы Вы, Алексей Николаевич, пожелали читателям и авторам журнала «Приокские зори»?

— Авторы и читатели «Приокских зорь» не покинули журнал в его трудные минуты, а продолжают присылать свои произведения, продолжают читать его электронную версию, а значит, журнальные публикации вызывают в них какой-то интерес. Интерес к современной литературе, литературе классической. Я бы им пожелал читать как можно больше хороших книг, читать литературные журналы, чтобы от чтения получать удовольствие. Также мне хочется всем пожелать, прежде всего, хорошего, доброго здоровья, прекрасного настроения. Чтобы на работе были прекрасные взаимоотношении с коллегами, и, конечно же, всем желаю простого семейного счастья. Ведь семья, наши близкие люди — жены, мужья, дети, родители, братья, сестры — это самое важное, самое главное и самое дорогое, что у нас есть.

Беседовал Геннадий Маркин,
фото автора

Анатолий Коновалов
(д. Хмелинец, Елецкого района Липецкой области)

ВЗЛЕТ И ТРАГЕДИЯ УСПЕНСКОГО

Родился в семье лесника 6.10.1946 года в с. Становое Становлянского р-на Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Работал строителем, в газетах, в Становлянском и Елецком райкомах КПСС, заместителем главы администрации Елецкого района, помощником ректора Елецкого госуниверситета им. И. А. Бунина, доцентом кафедры журналистики, заведующим кабинетом истории университета. Член Союза российских писателей, Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов, действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Автор 27 книг прозы, публицистики и учебных пособий для студентов вузов. Лауреат международных и российских конкурсов, литературной премии им. Е. И. Замятина, журналистской — им. А. А. Вермишева. Почетный гражданин Становлянского района. Награжден медалью «Во славу Липецкой области».

В 2017 году исполнилось 180 лет со дня рождения Николая Успенского

Забвение — возмездие для зла
и несправедливость для добра.
Эдуард Севрус

На липецкой земле о нем вспоминают, пожалуй, только тогда, когда посещают то место, где когда-то было село Шипово, от которого к концу двадцатого века не осталось ни одного дома. А что тут был большой населенный пункт и православный приход, свидетельствует лишь полуразрушенная церковь, которая мрачно и вроде бы с укором оглядывает окрест.

Да и то люди будят память по случаю. Ведь членов делегаций из разных концов России и других стран интересует этот становлянский уголок в первую очередь потому, что он связан с именем Михаила Юрьевича Лермонтова. У стен храма похоронен отец поэта — Юрий Петрович Лермонтов, его родители и сестры. Вероятнее всего, поэт был в последний раз в Шипово в апреле 1841года, когда за три месяца до своей гибели ехал на Кавказ и на один день заезжал в имение отца в Кропотово. А, зная какое трепетное отноше-

ние у него было к отцу, то он, наверняка, не мог не побывать на могиле Юрия Петровича. Такая версия не исключается и лермонтоведами (И. Андронников, Г. Гулиа, В. Арзамасцев).

А уж потом выясняется, что здесь в раннем возрасте оказался мальчик, которому судьба уготовила славу «крестьянского трибуна». Этим мальчиком был Николай Успенский. И вполне возможно (хотя документально это не подтверждено), что он в свои почти четыре года видел М. Ю. Лермонтова в Шипово.

Успенский родился 31 мая 1837 года в селе Ступино Тульской губернии в многодетной и полунищей семье сельского священника. А детские, юношеские и часть зрелых его лет прошли в селе Шипово Ефремовского уезда (сегодняшнего Становлянского района Липецкой области). Почти сразу же после рождения сына Тульской епархией в церковь Успения Пресвятой Богородицы был переведен его отец, священник Василий Яковлевич. Именно в Шипово формировалось мировоззрение Николая на крестьянский быт. Он своими зоркими и пытливыми глазами видел, в каком бесправии и забитости живут его земляки — односельчане, те, кто рожает детей, пашет землю, ухаживает за скотом. В его душе на всю жизнь остался тяжелый осадок от увиденного и пережитого.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Шипово начала XXI века

Его отец обладал в высшей степени неуживчивым характером, из-за которого вынужден был странствовать по деревням и селам, меняя приход за приходом, становился каждый раз лишь беднее, а на этой почве и обозленнее почти на всех окружающих его людей. Характер отца в какой-то, а может и большей мере, передался Николаю.

Василий Яковлевич хотел, чтобы сын пошел только по его стопам и стал священнослужителем. Потому в 1846 году он определяет мальчика на учебу в Тульское духовное училище, по окончании которого — в семинарию. Но у выпускника семинарии созрели другие планы на дальнейшую свою судьбу, не связанные с церковной службой. В 1856 году он поступает в Петербургскую медико-хирургическую академию. Но Николай не продержался там и года: в какой-то момент у него просто сдали нервы. В приступе злости он изрезал на куски руку трупа, выданную ему для препарирования, изломал инструменты, разбросал их по палате и ушел, за что тут же с позором был изгнан из академии.

От нищеты Николая Успенского спасла только его литературная деятельность, начатая им в 1858 году. В пору своего недолгого студенчества он опубликовал два рас-

сказа — «Старуха» и «Поросенок» в еженедельном журнале «Отечественные записки», в котором в свое время печатались К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин. Третий рассказ — «Хорошее житье» он отнес было туда же, но в редакции решили, что язык рассказа «слишком народен и непонятен» для читателей журнала.

Видимо, эти первые публикации Успенского повлияли на изменение его жизненных планов. Николай Васильевич решает заняться изучением истории и филологии. Потому поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. Но и это учебное заведение не смог окончить. Из-за бедности отца ему нечем было платить за обучение.

Это нанесло незаживающую и глубокую душевную рану уже известному в писательских кругах молодому человеку.

И Успенский, набравшись смелости, явился с рассказом «Хорошее житье» в «Современник», который основал за год до своей гибели А. С. Пушкин, а тогда его редактировал Н. А. Некрасов, с которым активно сотрудничали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев.

Вот как вспоминал Николай Успенский первые мгновения, когда пересек порог «Современника»:

« — Не бойтесь, не бойтесь! — послышался в углу залы тихий и хриплый голос поэта «мести и печали», когда меня встретили у двери два красивых сеттера.— Что вам угодно?

Я сказал, что доставил в редакцию «Современника» два рассказа из народного быта, и назвал свою фамилию.

— Я с удовольствием прочитал их,— сказал Николай Алексеевич,— особенно мне понравился ваш «Поросенок»... Прелестная вещь... А вот на вашем рассказе «Хорошее житье», кажется, была какая-то надпись...

— Да! В редакции «Отечественных записок» мне написали, что язык слишком народен и непонятен для публики... Я стер эту заметку...

— Ха-ха-ха... Слишком народен!.. Это превосходно... Вы что же, учитесь где-нибудь?

— В Медицинской академии, но мне хотелось бы перейти в университет по историко-филологическому факультету...

— Напрасно! Кого вы будете там слушать! Все это бездарность страшная... Уж если вы пишете такие прелестные очерки, то вы умнее всякого профессора... Какой вы губернии?

— Тульской...

— Ну, вот еще одним дарованием больше... В «Современнике» участвуют ваши земляки: Тургенев, Толстой, Григорович... Тургенев обещал проездом из Парижа скоро побывать в Питере. Вы не нуждаетесь ли в деньгах? Я могу с вами поделиться... Вот, не угодно ли вам пока пятьдесят рублей... Если что-нибудь напишете еще, пожалуйста, приносите мне. А эти очерки будут напечатаны в следующей книжке...

— Вы, Николай Алексеевич, сказали, что мне не следует поступать в университет... Что же мне делать?

— Да просто плывите по течению... Читайте Диккенса, Теккерея и пишите...

В скором времени Некрасов известил меня, что на Невском, в зале Бенардаки, устраивается Е. П. Ковалевским литературный вечер, в котором мое участие было бы весьма желательно. Я согласился и в назначенный час пришел к Некрасову, который был не в духе и говорил, роясь в бумагах:

— Терпеть не могу этих вечеров, где нужно выставлять напоказ свою физиономию...

— Карета подана! — возвестил лакей, и мы отправились.

Вечер прошел удачно. На другой день часов около двенадцати мы поехали с Н. А. к Ковалевскому к Красному мосту. Некрасов был очень весел и, расхаживая в кабинете Евграфа Петровича из угла в угол, рассказывал из своей прошлой жизни:

— Нанимал я квартиру на Васильевском острове, в нижнем этаже. Денег у меня не было ни копейки. Пошел я в мелочную лавочку попросить в долг чайку. Купец оказался моим земляком — ярославцем — и большим любителем чтения газет. «Дивное дело, — говорил он, — как это умудрились печатать газеты... Пишет человек, к примеру, пером, а выходит совсем другое». Я объяснил ему, в чем дело, и так ему понравился, что он с удовольствием отпустил мне чаю и сахару. Но положение мое, однако, нисколько не улучшилось. Лежа на полу на своей шинели, я сделался предметом праздного любопытства уличных зевак, которые с утра до ночи толпились у моих окон. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и он приказал закрыть окна ставнями. При свете сального огарка я решился описать одного помещика с женою, у которых я был учителем. Так как хозяин отказал мне в чернилах, я соскоблил от своих сапог ваксу, написал очерк и отнес его в ближайшую редакцию. Это спасло меня от голодной смерти... В одно утро к моей квартире подъезжает щегольская коляска, из которой выходит бывший издатель «Современника» Иван Иванович Панаев и спрашивает дворника: «Здесь живет Николай Алексеевич Некрасов?» С этого рокового момента судьба сделалась ко мне поблагосклоннее...»

Вот тут-то и началась самая светлая пора жизни Успенского и его творческий взлет. Рассказы своего протеже Некрасов распорядился печатать самым крупным шрифтом на первых страницах ближайшего издания журнала. Автору платили вполне приличный гонорар, а через год даже заключили с ним контракт с условием, чтобы он сотрудничал только с «Современником».

В этом журнале увидели свет и получили высокую оценку критики его рассказы и очерки: «Хорошее житье», «Поросенок», «Грушка», «Змей», «Сельская аптека» и другие.

В отличие от либерально-дворянских писателей Успенский изображал жизнь крестьян во всей ее неприглядности, показывая нищету, забитость, полную их зависимость от помещиков, кабатчиков, полиции. Он смело и ярко критиковал либеральное культурничество («Сельская аптека»), сельскую общину («Хорошее житье»), которую впоследствии идеализировали народники. В рассказах «Федор Петрович» (1866) и «Старое по-старому» (1870) Николай Васильевич создает образ буржуазного хищника в глубоко любимой им деревне, обличает земство.

Н. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» писал, что Н. Успенский сказал о народе «*правду без всяких прикрас*», что ему удалось «*глубоко заглянуть в народную жизнь*» и ярко выставить «*коренную причину ее тяжелого хода*», как никому из беллетристов. Также литературный критик отмечал, что «*произведения Успенского отличаются простотой сюжета, мастерством речевой характеристики людей из народа*».

В то время рассказы и очерки Успенского печатались один за другим. В 1860 году в «Современнике» появляется статья самого авторитетного литературного критика того времени Н. А. Добролюбова, в которой он настойчиво рекомендовал пополнить хрестоматию для юношества произведениями двадцатитрехлетнего писателя. Тургенев, Толстой, Григорович — первые писатели эпохи и к тому же аристократы, люди высшего «света» — одарили поповского сына знакомством и лестными о нем отзывами.

Однажды в трескучий мороз Успенский пришел к Некрасову, чтобы передать ему один из своих очерков. У знаменитого поэта и редактора был в гостях известный ветеран беллетристики Д. В. Григорович.

Вот как ту встречу описал сам Николай Васильевич:

«— Знаете, что я вам посоветую, Успенский,— начал Николай Алексеевич,— поезжайте-ка за границу.

— Да на какие же средства?..

— У вас есть прекрасные средства...

— Правда, правда,— произнес баритоном Дмитрий Васильевич.

— Средства эти,— продолжал Некрасов,— ваши рассказы... Их в «Современнике» напечатано так много, что из них выйдет довольно солидный томик. Я издам их в свет, а вам дам денег на путешествие, которое для вас будет очень полезно...»

Все складывалось для Успенского наилучшим образом. Он около года пробыл в культурных европейских центрах, где в то время находились и тепло его встретили в Париже — Тургенев, в Ницце — Добролюбов, во Флоренции — Боткин...

Вроде бы надо было за это благодарить судьбу и Некрасова. Но, вернувшись из заграничной поездки, Успенский, к удивлению всех, обвинил своего старшего коллегу Некрасова в эксплуатации его таланта и потребовал платить себе такой же гонорар, какой получал Лев Толстой.

Чем обосновывал такие свои притязания Николай Васильевич?

Обратимся к его воспоминаниям:

«Я отправился за границу, где пробыл около года. Между тем мои очерки вышли в свет отдельной книжкой и раскупались нарасхват...

Возвратившись в Петербург, я узнал из достоверного источника, что Некрасов вместо одного завода, как обещал, напечатал мои рассказы в количестве 6000 экземпляров ценой по 1 рублю за каждый, а я ограничился поездкой за границу, которая стоила мне 1000 рублей. Следуя примеру Тургенева, Толстого, Гончарова и Достоевского, я прекратил всяческие сношения с незабываемым поэтом и издателем «Современника».

Никакие уговоры эффекта не возымели, и перед Успенским навсегда закрылись двери в «Современник».

К тому же, побывав в Европе, он резко пересмотрел некоторые свои жизненные позиции. Теперь ему казались чуждыми взгляды революционных демократов Некрасова, Чернышевского, Добролюбова. На этой почве, после разрыва с журналом «Современник», он начинает печататься в либеральных и даже реакционных изданиях, хотя серьезных перемен в его взглядах на жизнь в деревне и не произошло.

Более того, Успенский, изобразив свой денежный конфликт с редакцией «Современника» как эпизод из истории идейного размежевания писателей — либералов и аристократов, нашел себе новых покровителей в лице И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Лев Николаевич в том же 1862 году пригласил Николая Васильевича преподавать в школе Ясной Поляны, да заодно и его рассказы у себя в журнале перепечатал. Однако Успенский там долго не задержался. После очередного злоупотребления спиртного разругался и со Львом Толстым за то, что тот якобы мало ему платит за его учительство в местной школе.

Тогда Успенский обращается за помощью к Тургеневу. Иван Сергеевич с удовольствием откликнулся на его просьбу и безвозмездно предоставил ему в своем имении несколько десятин земли, чтобы Успенский спокойно занимался творчеством, не тревожась о своем материальном состоянии. Но Николай Васильевич и тут не ужился со своим благодетелем. Не объясняя причин, покидает Спасское.

Он приезжает в Петербург, где намеревается покорить северную столицу своим творчеством. Живет у своего двоюродного брата Глеба Успенского, который к тому времени был уже хорошо известен в литературных кругах и который старается по-

мочь своему родственнику, чем мог. Но Николай Васильевич относился с завистью и раздражением к Глебу Ивановичу. Тот, видите ли, слишком реалистически показывал в своих ярких произведениях жизнь городской бедноты и не так, как надо бы, по мнению Николая Васильевича, противоречия пореформенной деревни («Нравы Растерянной улицы», «Разоренье», «Власть земли» и др.).

Николай Васильевич как появился у своего брата неожиданно, также и исчез из Петербурга.

Он возвращается в Спасское. И не просто так, а вздумал продать участок земли, выделенный ему Тургеневым в дар. Уговоры Ивана Сергеевича одуматься и отказаться от необдуманной затеи оказались тщетными. И тому пришлось заплатить Успенскому за свою же землю и навсегда порвать с ним связи.

С этого момента светлой полосе жизни и творчества Успенского пришел логический конец. «Отечественные записки» вкупе с «Современником» подвергли писателя резкой критике. Сына священника из Шипово в этих изданиях характеризовали теперь как человеконенавистника (в этическом плане), ренегата (в идеологической оценке) и бесталанного беллетриста «с крошечным куриным миросозерцанием и крошечной куриной наблюдательностью».

Успенский поначалу не сдавался. Выдержав экзамен на звание учителя русского языка и словесности, он пытался преподавать то в одной, то в другой школе. Но каждый раз не уживался с руководителями школ, уходя в очередной запой. Без разрешения дирекции покинул и Первую московскую военную гимназию задолго до конца учебного года. Успенскому грозил трибунал — за «дезертирство» и не возврат выданных ему денежных средств, но, слава Богу, этот инцидент удалось уладить.

Пробовал он кроме литературной деятельности зарабатывать «на хлеб» еще и учительством, преподавая русский язык и словесность в уездных училищах, часто переезжая с места на место, и каждый раз увольнялся из них со скандалом.

Видимо, разрыв с самым прогрессивным в то время журналом, его талантливыми сотрудниками, известнейшими в России и за рубежом писателями сильно надломили и без того болезненную психику Успенского. Он все больше и чаще попадает под влияние алкоголя, что послужило его окончательной отставкой с преподавательской работы в 1874 году.

С этого времени Успенский практически перестает писать и живет в крайней нищете, беспробудно пьет, скитается по ночлежным домам. Пробовал он зарабатывать средства на жизнь уличным актером, но это было неудачной попыткой.

В 1878 году Николай Успенский женился «по страстной любви» на семнадцатилетней дочери священника. Казалось бы, жизнь с любимым человеком подарила ему счастье и возможность заниматься писательской деятельностью, как в былые времена. Но вместо этого он вновь погряз в денежных раздорах, на этот раз с тестем — из-за приданого. Через три года жена Успенского умерла, и безутешный муж, то ли от горя, то ли от безысходности, взял гармонику, чучело крокодила и горячо любимую двухлетнюю дочь, чтобы петь и плясать в трактирах. Также Николай Васильевич перед шумной и пьяной публикой произносил монологи за крокодила и рассказывал биографии знаменитых русских писателей.

Его моральная деградация шла по нарастающей. Однажды он выменял у кабатчика четверть водки на свою гармонь, легкомысленно пообещав, что потом ее выкупит. Водку писатель выпил с мужиками, а через два дня к кабатчику пришел полицейский. Успенский заявил, что кабатчик торгует спиртным без патента и к тому же украл его гармонь.

Кабатчик еле выпутался тогда из этой неприятной истории, благо полицейский попался дотошный, нашел свидетелей сделки. Потом он даже попенял Успенского: «Как же ты можешь напраслину на людей возводить?»

В 1889 году Николай Васильевич покончил жизнь самоубийством, хотя и была версия, что его зарезали в пьяной разборке собутыльники.

Солидные литературные журналы никак не откликнулись на его трагическую кончину. Лишь в 1890 году газета «Орловская правда» поместила заметки двадцатилетнего Ивана Бунина «К будущей биографии Н. В. Успенского».

«Старою, но в тоже время постоянно юною историей стала печальная участь многих русских писателей. Судьба Никитина, Решетникова, Помяловского, Надсона, Левитова и подобных им несчастливцев, которым словно на роду написано «что-то роковое», всем известна. Одни из них были подавлены нищетой, другие — с чуткою до болезненности душою — не вынесли окружающей их обстановки, третьи... третьи унесли с собой в могилу тайну своей ненормальной тяжелой участи,— писал Бунин.— *К последним, я думаю, более всего можно отнести недавно зарезавшегося Николая Васильевича Успенского. Его оригинальная и печально своеобразная жизнь положительно ставит в тупик. Я говорю, собственно, про себя, а не про публику, потому что, собственно, мне и еще очень немногим пришлось узнать некоторые удивительные факты из его интимной жизни».*

Знавшие и понимавшие Успенского близкие к нему люди говорили, что Николай Васильевич был «слишком недюжинный человек, слишком глубокая натура». Шипово, Троицкое, Лобаново — тульские селения, помнившие происходившего из духовного звания незаурядного отрока. Бунин воссоздает по крупицам биографию Николая Васильевича (учебу в духовном училище, академии, университете, краткое учительство в Яснополянской школе Л. Н. Толстого, попытку И. С. Тургенева помочь начинающему автору). Женитьба. Смерть жены. Своеобразное воспитание дочери, осуществляемое в постоянном бродяжничестве.

Бунин сообщает подробности жизни «Мефистофеля» (так почему-то прозвали Успенского в литературных кругах, а может и потому, что Мефистофель — это дьявол, образ злого духа в фольклоре и художественном творчестве — *от автора*), а потом горестно замечает:

«...немного спустя, в Москве, на одной из улиц, нашли зарезавшимся одного из первых и лучших представителей народнической литературы. В кармане у него оказалось восемь копеек!..»

Творчество Успенского было предметом острых споров в литературной критике XIX века. Со статьями о нем выступали Чернышевский, Достоевский, Михайловский.

Народническая критика (Скабичевский) резко выступала против Николая Успенского, произведения которого были чужды народнической идеализации общинных «устоев».

Среди многочисленных рецензентов был и липчанин Г. В. Плеханов. Георгий Валентинович наиболее точно определил место Успенского в истории русской литературы: *«Это был типичный представитель эпохи 60-х годов, взявшийся за изображение народного быта... Он сочувствовал народу именно по-своему, то есть как «просветитель», то есть как человек, не чувствовавший никакой надобности в идеализации отсталой массы».*

Постепенно Николай Васильевич стал «забытым писателем». Его творчество, как одного из «шестидесятников» и соратников революционно-демократической реалистической литературы, снова привлекло к себе внимание лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Его произведения и до сегодняшнего дня не потеряли свою актуальность. А все потому, что очерки Успенского отличаются своей правдивостью, силой критического реализма. Наиболее ярким средством художественной характеристики, каким рас-

полагал писатель, был язык его героев. Писатель умело воспроизводил многообразие оттенков разных говоров, охотно прибегал к сказу (к примеру, «Поросенок», рассказанный деревенской просвирней, «Грушка» — торговцем, «Хорошее житье» — целовальником, и т. д.). Очерки Успенского подчас поднимались до уровня тонко написанных новелл, избегая прямой, голой тенденциозности, выражая идею, прежде всего, показом самой жизни. Так, в «Хорошем житье» он обличает кабатчика, не говоря от себя ни единого дурного слова о нем. У Успенского мы находим ряд рассказов, где он прибегает к шаржу и гротеску («Обоз», «Змей» и др.). Это были зародышевые формы того же рода, какой нашел себе место в творчестве Салтыкова-Щедрина, в его «Истории одного города», в «Сказках». Как и Салтыкова-Щедрина, Успенского толкало к гротеску остро ощущавшееся просветителем противоречие между действительной и разумной жизнью. Его гротескные сцены и образы не имели силы и глубины щедринской сатиры, так как при всех достоинствах своих очерков писатель все же редко шел дальше натурализма и шаржа. Он верой и правдой служил своему отечеству, своим соотечественникам.

Именно Николай Успенский выступил одним из *родоначальников* деревенской прозы, и влияние его в той или иной мере испытывали все последующие классики, писавшие в этом направлении (Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Валентин Распутин). И даже Л. Н. Толстой, возможно, против своего желания, наследовал традиции Успенского в пьесах «Власть тьмы» и «Плоды просвещения». Тем более он, уже после смерти Успенского, говорил о нем такие слова: *«Я ставлю Николая Успенского много выше превознесенного другого Успенского, Глеба, у которого нет ни той правды, ни той художественности».*

И, оглядываясь на страдальческую, полную мук, горя жизнь моего земляка, невольно думаешь: как же несправедлива судьба к талантливым людям. Хотя, как утверждал один из мудрецов, судьба неизбежнее, чем случайность, судьба заключена в характере человека.

Николай Успенский создал сам свою судьбу, приведя ее неизбежно к трагическому концу.

«СЛОВУ ПРЕДПОЧИТАЮЩИЕ ЧИСЛО...»
(о романе А. А. Яшина «Задушевные беседы об умозамещении»)

«Слову предпочитающие число,
Не разделяю вашего торжества
В силу того, что с миром произошло:
Ишь, голосят повсюду, а речь мертва»

Каюсь, грешен, подыскивая заголовок для своих заметок по поводу «Задушевных бесед об умозамещении» А. А. Яшина, не удержался, да и выбрал строчку из своей же песни. Да еще и целую строфу эпиграфом поместил. Ну, ежели кто и сочтет сие за тщеславие, так пусть оно мне простится, ибо строки-то имеют непосредственное отношение к «восьмой книге рассказов Николая Андреяновича», героя предыдущих произведений уважаемого автора. Согласен, возможно они не распространяются на все содержание означенного романа, но даже и в частности соответствуя, послужат некоей отправной точкой для возможных обобщений. Тем паче, что введенный в название романа термин «умозамещение» (с явной иронической аналогией по отношению к столь популярному ныне «импортозамещению»), трактуется самим автором как «переход от аналогового мышления к цифровому», и полное право на существование несомненно имеет, в виду объективно совершающегося процесса.

Я не намерен в своих заметках методично анализировать все десять новелл, из коих роман, если уж совсем точно, роман-новеллино, и состоит. Опять-таки превращать свою статью в синопсис считаю вообще бесполезным. Пусть каждый сам читает и делает выводы, составляет мнение, хвалит, ругает... Скажу лишь, что композиционно роман построен по классической схеме, очень напоминающей шекспировскую формулу, предлагающую в тесном кругу рассказывать истории о королях. И то сказать, в загородном доме отставного военного моряка Прокофьича по четвергам гостят и, в частности, ведут неторопливые послеобеденные беседы два старинных приятеля, два умудренных жизненным опытом эрудита, прошедших изначально отличную школу местного университета г. Тулуповска, а также многолетнего труда в так называемой «оборонке» или, как выражаться нынче принято, в элитном предприятии военно — промышленного комплекса. О чем речь ведут сии достойные люди, а именно сам Николай Андреянович и его старинный приятель Игорь Васильевич, ранее уже появлявшийся в произведениях А. А. Яшина? О жизни, господа мои, о ней, о прекрасной, о чем же еще?! Прежде всего, конечно же, о тех ее проявлениях, кои непосредственно касаются собеседников — представителей прежде всего науки, но уже и литературы (Игорь Васильевич мало того, что в биофизику ушел, но и журнал издает), ко времени «четвергов» уже распрощавшихся со своим НПО «Меткость» и вернувшихся под сень альма-матер в качестве доцентов-профессоров. И вместе с тем, на мой взгляд, и в мизансцене и, если угодно, в сценографии, «посиделок», в языке самих диалогов, волею автора, проступает некоторая нарочитая лубочность, а порой и «дурашливость». Зачем, казалось бы?

А затем, что авторская ирония — неизменна для всех произведений А. А. Яшина, они ею пронизаны насквозь, и ею же, кроме всего прочего, сшиты. И это отнюдь не ирония ради е— же самой, не пустое ёрничество в тщетной попытке завоевать некие «симпатии» определенной части читательской аудитории; авторская ирония органична и многогранна, так взирают на окружающий мир, на прожитую жизнь, себя в них оценивая, умные, всесторонне образованные, порядком уже усталые, всего повидавшие, но по-прежнему не успокоившиеся и неравнодушные люди. А вот не посвя-

тить себя целиком, следуя вроде бы логике фабулы, «трагическому массажу морщин на лбу» и прочим бесполезным занятиям, героям и помогает ярмарочная лубочная хитреца в разговорах и в самОм очень уж незыблемо благополучном антураже с явными, хоть и сдержанными, эпикурейскими инспирациями.

Ну, ладно, ирония, лубок, антураж, декорации, но есть еще одна особенность «бесед задушевных», и особенность сия не из воздуха возникла, не вдруг народилась. С началом прочтения романа становится очевидным постоянное сравнение беседующими ситуаций «до» и «после», потенциала государства и народа и его реализации во времена красной империи, и теперешние наши кондиции, перспективы и вообще, так сказать. Что ж, казалось бы набивший уже порядочную оскомину «приёмчик», стоило ли автору его использовать? Но в том и фокус, что у А. А. Яшина ничего просто так на божий свет не извлекается и в качестве «лома, супротив коего нет приема» не применяется. Автор в своих сравнениях гораздо более тонок, ибо оными подталкивает читателя к более глубокому осмыслению произошедшего с родиной и с нами за минувшее столетие, а также происходящее ныне, и долженствующее произойти в будущем. Оттого и нет ощущения, что хотят Николай Андреянович с Игорем Васильевичем лишний раз утвердить благодать прошлую супротив мерзости настоящего и темного омута будущего. Но... зачем тогда весь огород городить?

А вот зачем. Все очень наглядно и вполне логично. Несколько новелл напрямую посвящены ушедшей эпохе советского государства, где наука и искусство, в частности литература, находились, прямо скажем, на высоте мировых стандартов, во многом, кстати, таковые и задавая, или, по меньшей мере, участвуя в установлении оных. Стоп. О цене подобных успехов мы говорить не станем. Это за рамками направленности романа. И хорошо, что так, иначе каша получилась бы при полном крахе романа как литературного произведения. Так вот, какой бы тоталитарной, кривой, жестокой порой, да попросту расточительной к своему народу и его талантливым представителям, ни была красная империя, но масштаб свершений в науке и культуре в те времена был не просто огромен, он воистину достигал космических размеров, и в прямом, и в переносном смыслах. И, что ни говори, но имел самородок из глубинки, простого звания человек, достучаться до небес, которые умели не только отвергать, но и оправдывать надежды самородков, например, сержанта-сверхсрочника, разработавшего принцип действия водородной бомбы. Причем, как наглядно демонстрирует автор на примере новеллы об австрийском военнопленном — будущего лауреата самой престижной премии в мире, и среди наших противников имелись люди уровня «ого-го!» И это в мире, не знавшем глобализма, не стреноженном всемирной паутиной, в еще совсем недавние времена, кажется, руку протяни, и вот они, родимые.

А уж о том, что «тирания рождает литературу, а демократия макулатуру», не нами сказано, классик изрек. Игорь же Васильевич, повествуя о нынешней писательской «тусовке» регионального уровня, более чем ироничен и открыто симпатизирует союзу писателей страны советов... Предвижу, какими соколами взовьются от сих сентенций поборники либеральных «свобод», которых хлебом не корми — дай лишь поорать по поводу очередной, теперь не царской — советской, тюрьмы народов, а также о приоритете бюджетных ассигнований на производство, условно говоря, «колбасы» над финансированием разработки и строительства новых видов вооружения. Только разве непонятно, что, как только мы перестанем делать ракеты, сама возможность не просто увеличения, а самого производства «колбасы» исчезнет. Наша держава, как она не именуйся, при таких масштабах не может при всем желании уподобляться «кремовым» европейским карликам — мечте наших свободолюбцев, шабашащих за гранты из американского посольства. Что же касается союзов творче-

ских, в частности писательского, то могу лишь обмолвится — были и у него вполне положительные свойства, например, заслон графоманским ордам, ныне, к слову, вольным и деятельным, а также помощь дарованиям истинным, при всем негативе и перегибах, свойственных и прочим общественным институтам страны развитого социализма.

И никакого тут противоречия нет. Просто напросто автор романа никого не кроет в три наката, простите, огульно, никого не возвеличивает без заслуг и не вопит благим матом о вновь утраченной «свободе». Ирония и неторопливый вдумчивый анализ — вот методика оценки былого и происходящего, свойственная автору и главным героям — собеседникам. Повторяю, в романе они не допускают политических оценок, кляуз, конспирологических инсинуаций на темы крушения СССР. Да и воспоминания о мощи советской науки и культуры для них, как мне показалось, главным образом попытка в объективном сравнении показать, сколь много нужно еще сделать в обновленной России, какие гигантские усилия приложить и ресурсы — средства израсходовать, чтобы можно было ощутить реальные достижения в фундаментальных областях, сравнимые с достижениями советской поры. И вот в данной плоскости собеседники действительно могут сокрушенно вздохнуть об очередной имперской эпохе, канувшей, увы, в небытие.

(И не забудем, что собеседники в романе — люди вполне причастные к созданию ракетно-ядерного щита советской державы, весьма действенно остужавшего слишком «горячие» и «ястребиные» головы в странах вероятного противника). Вот вам и подтекст. А в нем намек, мол, пока нет у нас причин и даже поводов для самообольщения, помните, как в песне «сделать нам, друзья, предстоит больше, чем сделано...», да плюс к тому время на дворе иное, мир изменился за четверть века радикально, и человечество метаморфоз не избежало. Точнее, человек, на белый свет явившийся в новейшее время.

Теперь самое время и об умозамещении, как таковом, вспомнить. Изменение способа мышления человека, причем человека в массе молодого, обусловлено глубинными метаморфозами самого образа жизни миллиардов людей на всей планете. Многие из нас, если не каждый, хоть раз в жизни, да сталкивался с подобным явлением, когда вдруг с удивлением замечали, что твой оппонент не хочет применять столь естественное, казалось бы, аналоговое мышление и «включает дурака» в простейшей ситуации. Проблема вполне актуальна, ибо эпоха всеобщего потребления формирует у человека и соответствующую психологию — зачем же думать, когда все, включая знания, можно приобрести, то есть купить? И потом, на все возникающие вопросы ответ можно найти в сети. «Загуглить», как говориться, куда заманчивее, нежели голову ломать над чем-либо. А ежели и ломать, так уж над тем, как башку покемону срубить в киберпространстве. Опять-таки Болонская система образования, спасибо за неизвестно кому, весьма способствует... Образовательный процесс с вершиной ЕГЭ, тестовый контроль знаний, тестовое мышление — выбор варианта ответа и прочая, и прочая... А главное — жить уж больно охота аки следует, на должном уровне, потреблять, так сказать, с чувством, с толком... И главное — вирус сей всепроникающ, он поражает не только молодое поколение, но и чиновную, и научную среду, и все остальные возможные. И что же, нет от него спасения? Есть наверное. На любой вирус вакцина найдется. (Лишь от времени спасения не отыскать).

Ну, а в романе-то насчет всего этого как профессор с доцентом, сиречь Игорь Васильевич с Николаем свет Андреяновичем, прошлись? А хорошо прошлись, согласно научному своему статусу и соответствующему уровню. Ничего не упустили, даже, кажется, лишку немного шарахнули. (Это я к тому, что не понял, например, чем почтенным «профессорам» не угодило изучение двух иностранных языков с первого

года школы? Мне сие всегда наоборот казалось весьма правильным, поскольку я такого был лишен. Да и сегодня подобное встречается только в школах с углубленным изучением языков, и то не сразу. У меня дети в «углубленке» учатся, и то у них второй язык не сразу давать начинают... Паралимпиады как-то вот не одобрили. Наверное все-таки подзанесло собеседников. Такое в пылу полемическом случается... (Впрочем, это частность, к слову больше). А собеседники добрались и до индоктринирования с кондиционированием, и бихевиоризм вниманием не обошли... Проще говоря, до отказа от здравого, самодостаточного мышления, загона обычных ранее умоистин в глухое подсознание, до промывки мозгов, с помощью, естественно, средств массовой информации, до превращения мыслящих индивидуальностей в мировую общность послушных роботов — винтиков глобализированного мира... До сопротивления России всем означенным процессам, до причин сопротивление обусловивших... До того, что Россия не Европа... Что в глобализирующемся мире мы все равно проиграем, но — последними... Интересно? Тогда читайте роман, господа мои, читайте — не пожалеете. Тут ведь как: хотите спорить, спорьте, только сначала ознакомьтесь с темой. А то у нас любят не глядя гвоздить. Вот вам достойнейшая книга, есть куда умственные и душевные силы приложить. Без всякого там умозамещения и пренебрежения словом. Нам таким богатством пренебрегать не пристало.

Вадимир Трусов,
член СПР,
г. Мончегорск Мурманской области